

КОНСТАНТИН ГУРЬЕВ

ТАЙНА СТАРОГО ГОРОДИЩА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Константин Гурьев

Тайна старого городища

«ВЕЧЕ»

2018

Гурьев К. М.

Тайна старого городища / К. М. Гурьев — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7278-7

Сотрудник солидной фирмы Алексей Воронов и его приятельница Ирма, надеясь укрыться от преследования кредиторов, спешат из Москвы в Сибирь, где в деревне живет бабушка Ирмы. Однако спокойствия они не находят. Ирма сталкивается со своим школьным учителем, и Воронов замечает, что между ними существует зловещая тайна...

ISBN 978-5-4484-7278-7

© Гурьев К. М., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть первая	9
1	9
2	14
3	18
4	22
5	27
6	31
7	37
8	42
9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Константин Мстиславович Гурьев

Тайна старого городища

© Гурьев К.М., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Все, о чем вы прочтете в этой книге, – вымысел, и всякое возможное сходство с реальными лицами не является умышленным.

История, которую вы, кажется, намерены прочесть, произошла некоторое время назад, и я не стану уточнять, как давно это было.

События, о которых будет рассказано на этих страницах, способны взбудоражить впечатление не только юных читателей, но и людей зрелых, разумных, склонных, казалось бы, взвешивать любой свой поступок.

Это, к сожалению, не пустые опасения и предположения. Достаточно сказать, что слово «произошла», а, например, не «завершилась» я выбрал не случайно. Уже после того, как мне показалось, что все закончилось, произошло несколько событий, возможно, в продолжение того, о чем я намерен поведать.

Именно поэтому, оказавшись в положении человека, который был втянут во все, происходившее *тогда*, я вследствие этого оказался вынужден внимательнейшим образом вникать во все, что происходило *впоследствии* и могло быть хоть как-то с этим связанным. Я долгое время жил двумя жизнями, когда сутки, казалось, не имели ночи, заменяя ее простым отсутствием света на улице...

Судьба хранила меня или это было простым совпадением, но организм мой устал сопротивляться испытаниям именно в тот момент, когда все закончилось хотя бы в моем тогдашнем представлении и я получил – а, может быть, и сам себе предоставил – право отдохнуть на больничной койке несколько недель.

Именно тогда, лежа в больнице в палате на четверых, двое из которых менялись каждую неделю, принося «с воли» свежие новости, я впервые начал *осознавать* эту историю.

Сперва это были отдельные мысли, а попросту говоря, попытки понять, как же мне удалось выйти живым из всего произошедшего. Днями я лежал молча, блаженно улыбаясь, слушая болтовню и шутливую перебранку соседей, а ночами думал о том, что все могло быть иначе. Постепенно я пришел к предположению, что все случившееся было вполне закономерным.

К моим соседям по палате, конечно, приходили посетители, и, наверное, каждый выслушал рассказ о том, как я попал на больничную койку. Скорее всего, это были *разные* рассказы, потому что сам я ничего не рассказывал, а только скупое отвечал на вопросы, но почти каждую неделю кто-нибудь сердобольно советовал мне пригласить попа или предлагали поставить свечку от моего имени и с непониманием воспринимали мой отказ. После этого мне более или менее толково пытались объяснить, что все случившееся со мной завершилось моим чудесным спасением по воле Всевышнего. Однажды я не выдержал и в доступной форме пояснил, что ни в бога, ни в черта в равной степени не верю, и все, что происходит с человеком, происходит по его, человека, воле – доброй или злой.

С того момента меня уже не привлекали к разговорам, и я мог дремать целыми днями.

Видимо, к этому времени я уже пришел в себя достаточно, чтобы задуматься о целостной картине всего происшедшего, считая его полностью завершившимся, однако...

Всегда есть некое «однако»...

Впрочем, достаточно испытывать ваше терпение, пора переходить к самому повествованию, но прежде – предупреждение (назову его так).

Позднее, когда я стал собирать все, что только могло помочь восстановить произошедшее, когда смог осознать это и, по мере возможности, литературно обработать, я сделал все, чтобы скрыть любой намек на географические приметы мест, где происходило все, о чем написано ниже.

Однако, поскольку без названий обойтись невозможно, воспользуемся простым приемом: те города, в которых упоминаемые события вполне могли пройти незамеченными – что соответствует действительности, – автор будет называть их настоящими именами. Что касается мест, где разворачивались главные события, то областной центр получает в пределах нашего повествования наименование Город, а город, значение и заслуги которого остались в далеком прошлом, мы станем именовать Городок.

Начну я с рассказа о себе, поскольку именно моя биография, мой образ жизни, мои увлечения и сделали меня столь важным участником всех событий и тем элементом, без которого, возможно, так ничего бы и не случилось.

Отец мой, ушедший на фронт в июле сорок первого юношей неполных восемнадцати лет, вернулся бравым усадым военным. Мои родители встретились после долгой разлуки в конце сороковых. Отцу было уже почти тридцать, и маму мою, соседскую девчонку, которой едва исполнилось десять, когда он садился в эшелон, идущий на запад, он не сразу вспомнил. Он не раз говорил мне, что сразу же обратил на нее внимание и решил, что она станет его женой. Надо сказать, что мама моя выделялась ростом и довольно долго, лет до пятидесяти, наверное, ее звали всякий раз, когда во дворе соседнего двухэтажного дома начинали играть в волейбол.

Папа, который с фронта пришел коммунистом, направился в педагогический институт, где перед войной успел окончить первый курс, но там его тотчас «развернули» в горком партии – тогдашний центр городской власти. Из горкома он вышел уже учителем истории, которому предстояло одновременно и учить школьников, и учиться самому – на вечернем.

Мама не стала «выдумывать велосипед» и пошла точно тем же путем, правда, за неимением высшего образования поначалу ее отправили учителем начальных классов. Мама говорила, что утирать слезы первоклашкам – не ее удел, однако занималась этим долгие-долгие годы, оставив по себе светлую память в нашем городе. Чтобы закрыть тему родителей, скажу, что они погибли в авиакатастрофе, возвращаясь из отпуска в Крыму в начале девяностых...

Семьи моих бабушек-дедушек жили в этом же городе, но по какой-то непонятной мне причине общались нечасто. Никакой неприязни между ними я никогда не замечал, каждый праздник, который мы всегда проводили за одним столом, сопровождался весельем, смехом, совместным пением, но во все иные дни они почти не встречались.

О каждом из них, о дедушках и бабушках, я мог бы рассказывать бесконечно долго, но рамки повествования сдерживают меня, поэтому ограничусь лишь самой необходимой информацией. Дед мой по отцовской линии был потомственным скорняком. Слово это сегодня мало кому понятно, поэтому поясню: «скорняк» – это портной по меху.

Кстати, жили они с бабушкой в своем доме, точнее говоря, в доме, который был заложен много лет назад, но так основательно, что будет стоять еще, надеюсь, долго.

Дом этот, пропитанный своеобразным провинциальным аристократизмом, был на моей памяти всегда центром притяжения для многих людей. У нас бывало местное начальство всех степеней и рангов, элита местного искусства театра и музыки, местная богема в лицах художников и писателей. В общем, дом видел так много, что мог бы и сам писать мемуары, но сейчас о другом.

Дом этот жил какой-то своей особой жизнью, признаки которой поначалу мной не угадывались, да и потом я о них узнал только из подсказок деда и, что меня тогда весьма удивило, бабушки!

Отец мой со своим отцом, то есть моим дедом, был в каких-то сложных отношениях и, кажется, относился к нему настороженно именно в силу дедового ремесла. Фронтовик, отец, кажется, никак не понимал, как можно всю свою жизнь провести, обшивая клиентов.

К моменту, когда я оканчивал школу, и мои отношения с отцом стали портиться. Дело в том, что уже в девятом классе я знал, что продолжать обучение не хочу. Меня привлекала романтика комсомольскихстроек, дальних городов, куда надо ехать, чтобы проверить свой характер. Девятый класс я еще кое-как проучился, а в десятом начался полный беспорядок, когда я прогуливал уроки, скрываясь в доме деда.

Без давления, исподволь, он стал втягивать меня в свое дело, рассказывая о тайнах ремесла. Мне это не было интересно, но я сидел в его мастерской, где работала и бабушка, потому что мне невероятно нравились их рассказы. Повторись такое сейчас, я бы записывал все эти рассказы, которые были пропитаны какой-то изящной таинственностью, но в ту пору я просто слушал, раскрыв рот.

Потом пришла осень, меня призвали в армию, и жизнь моя на два года изменилась совершенно, и я изменился, наверное, еще сильнее.

Вернулся я, конечно, тоже осенью, но за эти два года во мне проснулось вполне осознанное желание учиться. Отец был этому невероятно рад и, нарушая все свои принципы, уже готовил наш пединститут к моему появлению.

Однако это появление могло состояться не раньше, чем следующим летом, а до этого времени мне следовало чем-то заниматься. И тут произошло то, что так изменило мою жизнь.

Состоялся один из немногих разговоров отца и сына, то есть моих деда и отца, и не знаю, как именно, но дед сумел убедить, что сейчас, раз уж прошло так много времени после школы, да и армия мне школьных знаний не добавила, я должен усиленно готовиться к экзаменам. А это, уверял дед, возможно только при том условии, что я не буду проводить время на работе «от звонка до звонка».

Все закончилось тем, что дед каким-то образом оформил меня учеником портного в ателье, которое постоянно умоляло его принять какой-нибудь заказ, но работать мне предстояло, конечно, под его присмотром.

Помню, как директор ателье, к которому мне пришлось идти для разговора, на прощание сказал слова, удивившие меня:

– Повезло тебе, молодой человек! У такого мастера будешь учиться!

Для меня, конечно, дед так и оставался дедом, но работать он меня учил жестко. Сравнивая его с нашим старшиной, которого боялась вся батарея, я видел, что старшина в сравнении с дедом в отношении следования установленным порядкам – мальчик.

В общем, когда пришло время поступать в институт, я уже сделал свой выбор и поступил на заочное.

Ну, а что? Призыв в армию меня уже не пугал, а в моем возрасте сидеть на шее у родителей было просто стыдно. Работая с дедом, я зарабатывал довольно прилично, даже если равнять с доходами таксистов или рубщиков мяса, только работа моя была чистая, изящная.

Еще одна причина моего выбора вполне понятна. Среди заказчиц деда часто встречались довольно милые дамы лет тридцати-тридцати пяти, и мои романы шли один за другим легко и приятно.

Вот так я и стал, продолжая родовое ремесло, скорняком.

Рассказал я вам об этом только для того, чтобы понятнее было вам все мое дальнейшее повествование.

Несколько слов и о нем.

Многие годы я собирал все, что касается обстоятельств и деталей случившегося. В ту пору, когда происходили самые первые события, я об этом даже не догадывался. Потом, когда пошли слухи, относился к этому без особого интереса, ибо не знал, что ко мне это уже имеет самое прямое отношение.

Потом, когда события вырвались наружу и стали угрожать и мне, и тем, кто мне дорог, я постепенно старался взять их под контроль и следить за изменениями. И лишь спустя несколько лет, отыскав тех участников событий, о которых я в свое время не знал, я смог написать это повествование.

Итак, я начинаю рассказ, который будет развиваться в соответствии с хронологией событий.

Часть первая

1

Воронов проснулся от того, что солнце ярко светило ему в лицо, проникнув сквозь веки и прервав сладкий сон. Вообще-то он выспался так, как давно уже не удавалось, но ему хотелось полежать еще несколько минут, наслаждаясь не только собственной расслабленной и беззаботной неподвижностью, но и осознанием того, что никуда не надо бежать, никуда не надо спешить и никуда он не опоздает!

Чувство усталости от десятичасовой дороги исчезло за время сна. Сам полет занял часов около трех, а остальное время ушло на поиск транспорта и тряску по кочкам и колдобинам местных дорог и вообще на всякую ерунду провинциального разлива. Но сейчас, поглощая царившую тут тишину, Алексей Леонидович Воронов наслаждался и предвкушал отдых, добродушно посмеиваясь над теми чудаками, которые летят в поисках рая земного куда-нибудь на Сейшелы или в Доминикану.

Откуда там рай!

Он выглянул в окно и окинул взглядом вершины деревьев, окружавших дом. Вот он – рай! Пей ведрами!

Улыбнувшись, Воронов вернулся к спящей Ирме, которой он был обязан этим счастьем таежной безмятежности, и поцеловал ее.

Когда-то у них был роман настолько бурный, что дело шло к свадьбе. Их устраивало в сложившихся отношениях все. Они не следили друг за другом, не устраивали сцен из-за того, что «всегда у тебя работа на первом месте», заранее планировали отдых так, чтобы ни ей, ни ему не надо было что-нибудь срочно «сдвигать».

Но так случилось, что однажды все-таки пришлось «сдвигать», из-за чего они и расстались.

Они почти полгода собирались на Корсику, чтобы отдохнуть там только вдвоем. Нашли крохотный пансионат, который держала семья украинцев, обещавшая сделать их отдых «гарным, як николю», и, судя по тому, что они рассказывали и показывали на видео, все это было вполне реально.

За три недели до вылета Воронову пришлось срочно лететь в Новосибирск по делам на «пару дней». Этот срок называл заказчик, это подтверждал хозяин фирмы, в которой он тогда работал. В это верил и сам Воронов, но дела повернулись иначе, и он вернулся в Москву только за неделю до вылета с незавершенными делами.

Тут выяснилось, что Ирме тоже надо улететь «на денек», а потом, когда она там «зависла», ему снова пришлось лететь в Новосибирск. Туда Ирма и позвонила, чтобы беззаботным тоном сказать, что она летит, потому что «просто глупо разбрасываться деньгами и терять такой вариант с хорошими хозяевами». Воронов что-то промычал – или прорычал, – и Ирма улетела.

В общем, когда он вернулся, в его квартире уже не было даже запахов ее парфюма. Все выветрилось...

Возможно, она вспоминала его точно так же, как и он ее, но никто из них не беспокоил другого довольно долго.

Собственно, до того самого момента, с которого начинается рассказ.

Последняя неделя была у Воронова дерганой, будто и не было впереди отпуска.

И, удивительно, на работе не было никаких проблем, потому что он, верный уже выработанной привычке, давно работал по своему собственному графику и других заставлял работать

точно так же. Он даже – не поверите! – в понедельник вышел на работу как обычно, и только удивленные взгляды сотрудников и закрытый еженедельник на рабочем столе напомнили, что он в отпуске.

Пришлось делать вид, будто забыл что-то жизненно необходимое и только потому заскочил на пару минут. И, пока двигался по коридорам и ехал в лифте, ощущал на себе насмешливые взгляды всех встреченных, включая уборщиц.

В общем, после всего пережитого у него были все основания отправиться к Шурику. В наказание он оставил машину на стоянке возле здания фирмы и пошел пешком, потратив на дорогу почти полтора часа, но результат порадовал: он совершенно успокоился, входя в бар, расположенный неподалеку от Патриарших.

Воронов пил свой «туборг» и поддерживал спортивный разговор с Шуриком. Именно так – спортивный! С самой первой встречи, когда Воронов оказался в этом баре совершенно случайно, они говорили о спорте, и на этом сдружились. Для них не важно было, о чем говорить: о футболе, хоккее, теннисе или биатлоне. Их обоих привлекало столкновение справедливости, которая иногда недостижима, и порядка, который всегда должен дойти до заранее определенного состояния. При этом Шурик больше любил футбол, где еще сохранилась возможность ничейного исхода, а Воронов наслаждался волейболом или теннисом, где любая игра должна закончиться победой.

Шурик, между прочим, почти кандидат филологических наук – у него дома уже пять лет лежали обсужденная на кафедре диссертация, стопка авторефератов и список их рассылки – крепко стоял на том, что отсутствие завершенности есть вариант перспективы, без которой человек умрет от скуки, а Воронов утверждал, что эта самая завершенность, которая Шурику так не нравится, есть фикция, ибо завтра будет новый матч, к которому тоже надо быть готовым!

Конечно, это был нескончаемый спор, продолжавшийся, во-первых, потому, что для обоих это был отдых от текучки, во-вторых, потому, что для такого отдыха лучшей компании, чем Шурик, нельзя было и придумать, а в-третьих, потому, что этот спор можно было растягивать на часы, а можно было закончить всего одной фразой и без всяких обид распрощаться.

Вот и сейчас, поняв, что он наконец-то пришел в себя, Воронов уже собирался прощаться, когда неожиданно кто-то подошел сзади и, положив руку ему на плечо, прижался тесно и, как показалось, искренне.

Он оглянулся и увидел Ирму.

Она осталась все такой же непосредственной, поэтому, не обращая внимания на Шурика, схватила Воронова под руку и потащила к тому концу стойки, где никого не было.

Наверное, к «бывшей» и через некоторое время испытываешь сложные чувства типа «и хочется, и колется», поэтому Воронов, хоть и скользнул взглядом по ее фигуре, шел следом за ней неохотно и не очень скрывал это.

В прежние времена Ирма любила диктовать свои условия в любой, самой простой ситуации и любое возражение, любой вопрос воспринимала как оскорбление, срываясь на скандал, поэтому и сейчас он хотел проверить, не предстоит ли публичное дежавю со слезами и кривыми ухмылками.

Однако сейчас она терпеливо ждала, едва заметно прикасаясь к его локтю, а потом сказала:

– Лешик, поверь, если бы у меня был еще один вариант, не важно – какой, я бы к тебе не пришла.

«Между прочим, – подумал он, – про этот бар она, конечно, знала еще с тех времен, но днем-то он тут почти никогда не бывал. Ну, во всяком случае, не в полдень понедельника».

Потом, когда они уселись, она начала говорить, и интонации у нее были новые, ранее никогда прежде им не слышанные, и манера речи была такая же новая, необычная:

– Ты ведь помнишь Алису?

Ну, еще бы, ему не помнить Алису! Она была одной из главных причин их размолвок в пору близких отношений. Эта бесформенная дама, убежденная в своем высоком интеллекте, считала, что имеет право на безошибочные выводы по любому вопросу. При этом она не оспаривала чье-нибудь мнение. Это было ниже ее достоинства. Она его просто не замечала. Она могла иногда, видимо, демонстрируя воспитание и демократизм, помолчать секунд двадцать, пока кто-то говорил, но потом внезапно начинала говорить, прерывая свое молчание, и вещала очередную истину.

На ее мнение по поводу искусства или политики Воронову было наплевать, но она любила давать оценки его поведению, моментально раскрывая глубинные истоки мужского эгоистического себялюбия, которое разрушает основы Ирминой личности.

Несколько раз Воронов пытался просто-напросто выгнать ее, несколько раз пробовал уводить Ирму из компании, где звучали эти речи, но все заканчивалось не в его пользу. В общем, он, конечно, ее помнил, о чем и сказал Ирме.

– Эта сука купила квартиру, – сказала она, и Воронов сразу оценил серьезность ситуации.

Ирма не терпела грубых слов, но сейчас она назвала бывшую подругу именно так, и ничто в ее голосе не дрогнуло. Ну, значит, в самом деле – достала!

– А деньги она взяла у тебя? – предвосхитил Воронов повествование и ошибся.

Ирма поморщилась.

– Откуда у меня такие деньги? – вздохнула и выплеснула: – Она попросила меня стать гарантом или как это называется.

– Не важно, как называется, – отмахнулся Воронов. – Что дальше?

Ирма вздохнула:

– А что дальше? Утром в субботу позвонила какая-то баба, представившаяся юристом банка, который выдал кредит, и сказала, что я должна покрыть долг в течение недели. Иначе пойдут проценты. И напомнила, что у них есть права на мою квартиру.

Ирма замолчала, плотно сжав губы, а Воронов спохватился:

– А что твоя подруга?

После паузы Ирма ответила:

– А ты не догадываешься? Моя подруга сказала, что денег у нее именно сейчас нет, потому что она потратилась на то, чтобы квартиру обставить, и вообще вся эта история измучила ее и теперь она отправляется отдыхать. Она уезжает по индивидуальному туру во Францию, но на лайнере из Греции. И я должна понимать, что все это недешево.

В прежние времена она бы сейчас тихо заплакала и отвернулась в ожидании, пока слезы прекратятся, но нынешняя Ирма продолжила:

– В общем, в субботу вечером меня стали вызывать на встречу какие-то коллекторы, потом позвонил какой-то мент типа нашего участкового, но по финансовым нарушениям, ну, и...

Ирма отвернулась, будто внимательно разглядывала посетителей бара, а Воронов молчал. Помочь деньгами он не мог, потому что больших денег у него никогда не было, а квартиру дешевле десяти-пятнадцати миллионов Алиса и купить не стала бы.

К тому же Воронов не стал бы помогать Алисе даже в покупке мороженого, и чем сейчас помочь Ирме он не знал, как не был уверен и в том, что весь ее рассказ – правда.

– На углу возле газетного киоска стоит моя машина, помнишь ее? Выйди сейчас на улицу, встань так, чтобы видеть ее, а я выйду минут через пять. Сяду, заведу мотор, и ты увидишь, как заведет мотор мужик, сидящий в зеленом «фольксвагене», метрах в двадцати от меня. Иди, я – следом, а ты посмотри.

Через полчаса стало ясно: Ирма не врет, и за ней действительно следили. Однако теперь Воронов уже не был уверен, что следили только из зеленого «фольксвагена», и не был уверен, что те, кто преследовал Ирму, не отследили и его.

Вообще-то ему все это было ни к чему, но, если он хотел помочь Ирме... А он, кажется, уже хотел ей помочь и сказал, когда они ехали в сопровождении зеленого «фольксвагена»:

– Остановись где-нибудь, забеги в магазин за презервативами, а я посмотрю, пойдет ли кто-то за тобой.

Ирма глянула на него:

– Воронов, какой секс! Ты меня плохо слышишь?

Спорить Воронов не хотел, потому сказал коротко:

– Делай, что говорю, а о сексе даже не мечтай!

То ли Ирма стала соображать, то ли лицо его выражало тревогу, но она просто сходила и просто купила.

Едва они отъехали от магазинчика, Воронов сказал:

– А теперь давай обратно в тот бар.

Помолчав, сказал:

– Тебе бы сейчас на неделю-полторы исчезнуть из Москвы куда подальше.

Ирма к предложению отнеслась без энтузиазма, с сарказмом:

– За эту неделю у меня появятся деньги или у Алисы проснется совесть?

Воронов сказал рассудительно и загадочно:

– Деньги вряд ли, а вот о ее совести ты напрасно так плохо думаешь.

Ирма заулыбалась:

– Воронов, ты теряешь форму и становишься обыкновенным человеком?

В баре они выпили по чашке кофе, слегка расслабились, и только после этого Воронов, уже выстроивший линию действия, сказал:

– Каждый возьмет на себя часть проблемы. Я буду работать на светлое будущее твоего освобождения, а ты думай, где мы проведем эти полторы недели.

Ирма уставилась на него:

– Ты шутишь?

– Нет, – ответил Воронов. – Тебя устраивают такие условия?

Ирма ответила почти без раздумий:

– Ну... я давно обещала бабушке приехать на несколько дней. Но это далеко.

– Где твое «далеко»?

– В Сибири.

– В Сибири? – Воронов улыбнулся. – Ну что, время выполнять обещания?

Ирма улыбнулась следом за ним, но потом спросила снова обеспокоенно:

– А как мы отсюда уйдем?

Шурик мог бы выпустить их через потайной ход, который выводил вообще в другой переулок. Именно потайной, а не черный, он же служебный. Черный-служебный был известен всем, а этот, потайной, только Шурику и Воронову, но пока сообщать Ирме о потайном не хотелось, и они ушли через черный.

По дороге, пока протискивались мимо пустых коробок и ящиков, Воронов сказал:

– Нам нельзя садиться на самолет, если уж они так строго за тобой следят.

Ирма отреагировала тотчас:

– Можно на «Сапсан», а в Нижнем сядем на самолет. Не будут же они подключать ФСБ к нашим поискам.

Воронова слегка цапапнуло, как сразу и без колебаний она сказала «нашим», но, по сути, Ирма была права.

«Сапсан» и самолет до Города сделали свое дело, как и положено, а вот от Города до деревни, где жила бабушка Ирмы, они добирались с большими трудностями. Оказалось, цивилизация еще не добралась до нашей глубинки.

Но все-таки они добрались, и, когда бабушка, удивленно бормоча, застелила кровать Ирме в доме, а его повела на чердак, Воронов уже хотел спать так сильно, что готов был калачиком свернуться на полу. Бабушка, однако, оказалась довольно человеколюбивой и, кинув на пол какую-то вонючую шубу, сверху бросила простынь, на нее подушку, а сбоку одеяло.

После этого, бормоча что-то себе под нос, спустилась вниз.

Оставшихся сил Воронову хватило лишь на то, чтобы раздеться, бросая одежду себе под ноги.

Он не услышал, когда и как сюда пробралась Ирма, но утром его это обрадовало.

2

Бабушка Ирмы за несколько часов много раз меняла свой тон и отношение к происходящему вообще и к Воронову в частности.

Поначалу она, поджав губы, едва слышно ответила на их приветствия, когда они спустились вниз. При этом одним взглядом она выразила свое отношение и к внучке, которая утром выходила вместе с мужчиной, нимало не стесняясь этого, и, конечно, к Воронову, который был для нее вообще «непонятно кем».

Завтрак был не очень привычный для столичных жителей, но невероятно вкусный: отварная картошка, зелень прямо с грядки и постное масло. Ирму такой набор продуктов не удивил: она положила на тарелку пару картофелин и сноровисто раздавила их вилкой, потом посолила, посыпала зеленью, перемешала все это и с аппетитом стала есть. Вся эта процедура пробудила интерес и у Воронова, и он, старательно повторяя за Ирмой, тоже принялся за завтрак.

Вообще-то Ирма, с того момента как они спустились с чердака, говорила не умолкая. Сперва рассказывала о своих делах, выдумывая что-то на ходу, потом стала допрашивать бабушку, которая оказалась весьма словоохотливой, когда коснулись родственников, и подробно, со своими оценками и характеристиками излагала события во всей их полноте. Потом, когда Ирма поела, они и вовсе начали своеобразное соревнование, когда каждая хотела узнать больше и вопросы сыпались как из рога изобилия.

Уже все было съедено, уже Ирма убрала со стола и вымыла посуду, а разговор продолжался, и Воронова это стало утомлять.

– Где тут у вас покурить можно? – поинтересовался он, едва возникла пауза, и вышел во двор, следуя указующей ладошкой хозяйки дома.

Сейчас, среди дня, можно было подробно рассмотреть все то, что называлось «домом бабушки».

Бревна, из которых был сложен и дом, и какие-то небольшие строения, и даже забор, удивляли своей толщиной и добротностью.

Прервав осмотр, он взглядом стал искать место, куда можно было бы бросить окурочек, когда сзади раздался все такой же недовольный старушечий голос:

– На, держи. – Она протягивала ему проржавевшую консервную банку. – Бросай туда эту свою... вонь.

Воронов ощутил какое-то неудобство, будто его застали за делом не совсем приличным, и пробормотал:

– Да я вот искал, куда бы...

– Ну, вот, сюда и бросай, – бабка повернулась и пошла в дом.

Но Воронов спросил ей вслед:

– Это у вас такой строительный материал?

– Чево? – бабка повернулась и уставилась на него непонимающим взглядом.

– Ну...

Воронов замялся на пару секунд, потом начал объяснять:

– Очень дорогое дерево, наверное. Дорогое жилье у вас получается, а?

Бабка продолжала смотреть на него с недоумением, потом степенно ответила.

– Дорогое? А кому платить-то?

Слегка развернулась и повела рукой в сторону:

– Тут лесов-то много – руби хоть что.

Помолчала и добавила вроде как извиняясь:

– Нашему-то дому уж больше века. Его еще прадеду ставили, когда он на прабабке женился, а она уже дедом моим беременна была. Так что на том месте уже давным-давно новые деревья выросли.

Воронову показалось, что она даже усмехнулась.

– О чем ругаемся? – сладко потягиваясь, к ним шла Ирма.

– Да, не ругаемся мы, – успокоил ее Воронов.

– Чего мне с ним ругаться-то? – обозначила свое отношение бабка. – Ты бы до магазина сходила, Ирка.

– До магазина? – оглядела себя Ирма. – Ничего, не сойдут тут с ума от такого вида?

Весь ее наряд – шортики и маечку – можно было бы называть «мне нечего скрывать».

Бабка, однако, только фыркнула:

– Кому ты тут нужна со своим хахалем! Иди давай!

Едва выйдя со двора, Воронов спросил:

– А в магазине-то что ей купить?

Ирма рассмеялась:

– Да, ничего ей не надо! Она теперь год будет всем рты затыкать рассказом о том, какая у нее внучка красавица и хахаль у внучки богатый и молодой!

– И красивый! – добавил Воронов, но Ирма хохотнула.

– Им твоя красота фиолетово. Главное, что молодой и богатый?

– Молодой? – все еще пытался кокетничать Воронов.

– Да, у них и в пятьдесят мужик еще молодым считается, – уколола Ирма.

Они шли по пустынной улице, состоящей точно из таких же заборов из толстых бревен, как у бабки, и пыль сразу оседала на ногах. Воронов недовольно поморщился, а Ирма скинула босоножки и пошла босиком.

Она сразу стала на полголовы ниже, но Воронова удивляло другое: лицо ее посвежело и даже покрылось румянцем.

– Да, ты на глазах преображаешься, – сделал комплимент Воронов, и Ирма, довольно улыбнувшись, кивнула головой.

– Иногда я думаю, на кой же черт я живу в этом бедламе по имени Москва, когда есть такое чудо! А потом снова все начинается, и я не представляю себе жизнь без этих столичных бегов и скачек, – негромко сказала она и продолжила неожиданно: – Давай я тебе покажу село, а, Воронов. Я ведь тут долго жила.

Рассказчицей она оказалась хорошей, время от времени удивляясь тому, как много она помнит. Проходя мимо каждого двора, подробно перечисляла тех, кто жил в этом доме во времена ее детства и юности, порой припоминала что-то интересное об этих семьях. В завершение прогулки, когда уже шли к «родовому гнезду», рассказала и легенду о возникновении села.

Выходило, если верить ее рассказу – а почему бы ему и не верить, – что много лет назад появился здесь славный казак Балясный, пришедший со товарищи через несколько лет после того, как знаменитый Ермак, нанятый купцами Строгановыми, двинулся через Урал-камень покорять Сибирь, и было это во времена Ивана Васильевича Грозного.

В бою с лихими людьми, которые проживали в этих местах уже давно и уступать земли не хотели, казак Балясный был ранен. Когда его соратники отдохнули после боя несколько дней и собрались идти дальше, он попрощался с ними и остался на опушке леса, потому что идти дальше не мог, а быть обузой не хотел.

Товарищи его, оставившие ему провизии на несколько дней, были уверены, что жить Балясному оставалось совсем чуть-чуть, и были несказанно удивлены, когда через несколько лет, вновь оказавшись в этих краях, увидели Балясного, но уже не на опушке лежал он, а хозяйничал в селении, которое тут сам и основал.

Обзавелся за эти годы Балясный женой – то ли турчанкой, то ли армянкой, а может, и цыганкой – и детьми. И установил тут порядки строгие, но простые и понятные, которым все подчинялись. Почти добровольно подчинялись. Балясный, как гласила легенда, до восьмидесяти лет не болел, за молодухами ухлестывал и кулаком мог быка свалить. И все здесь так понравилось утомленным жизнью казакам, что решили они тут же осесть, благо им бояться было некого. Теперь пусть их боятся!

Так и стала расти деревня, потому что все хотят жить в месте, где его не только уважают, но и защищают всем миром. Правда, одно осталось изначально решенным и навеки принятым: не было в Балясной – так стали называть деревню – церкви. Решили, что коли уж тут живут и православные, и магометане, и иудеи, да и иные могут прибиться, то лучше бога не гневить и молиться каждому у себя дома.

Ирма, увлеченная и возбужденная своей новой ролью, продолжала разговор и за столом, куда бабка усадила нас, едва мы вошли во двор, да еще и отругала, что «мотались, как абраш-кина корова, а люди языком за вами трепали», но видно было, что ей было приятно. Ведь «трепать языком» соседи, видимо, прибегали сразу же, едва их видели.

Ну... такие вот в Балясной нравы...

Воронов только сейчас глянул на часы и удивился: за прогулкой и разговором время незаметно подошло к обеду. И сразу засосало где-то под ложечкой, захотелось есть.

Тем временем бабка, не зная ничего о семинарах по оптимальной организации дня и управлении временем, совершенно ненаучно стала накрывать стол, отправив обоих мыть руки.

Пока мыли руки, бабка вынесла к столу настоящий чугунок со щами. Тут, как назло, в ворота стали стучать.

Бабка не обратила на это никакого внимания, и стук продолжался. Ирма несколько раз порывалась открыть ворота, но натыкалась взглядом на бабкин запрет. Она продолжала молча, но зримо негодовать, когда раздался громкий голос:

– Ирма, я ведь знаю, что ты меня слышишь.

Воронов удивился, увидев, как обрадовалась Ирма, бросившаяся к воротам, но еще больше его удивило, как мгновенно выражение лица бабки стало вдруг совсем домашним и мирным.

– Герасимыч приперся, – проворчала она, пряча улыбку. – Как-то ведь прознал, хрыч старый!

«Хрыч старый» на старика совсем не был похож. Напротив, казалось, что мужчина лет шестидесяти, не более, специально подкрасил волосы и нарисовал на лице морщины. Так просто, для солидности. И голос у него был надтреснутый, немолодой. Но походка легкая и рукопожатие твердое.

– Иван Герасимович, а это Леша, – представила Ирма Воронова гостю.

– Я вот Ирме рассказываю, что издалека вас увидел, да не сразу ее узнал! – широко и радостно улыбался нежданный гость, и добавил: – Очень приятно – Овсянников.

Потом повернулся к Ирме и сделал полшага назад:

– Ну, ты совсем не изменилась, Ирма, только повзрослела, стала настоящей красавицей и женщиной. Она ведь здесь в школу ходила несколько лет. Ты ведь и заканчивала тут? – обратился он к Ирме.

– Да, – кивнула она, не переставая радостно улыбаться. – И выпускные экзамены помню.

– Да-да, – кивнул Овсянников, – Лену Гуцул, например.

Он хитро взглянул на Ирму, и вдруг оба расхохотались.

Хохотали долго и, глянув друг на друга, снова хохотали, стоило на мгновение смеху утихнуть.

– Ленка Гуцул, – повернулась Ирма к Воронову, – очень боялась математики, боялась, что забудет формулы. Кто-то ей подсказал, а может, сама додумалась, но только написала она все важные формулы на ногах.

Видимо, вспомнив ту картину, Ирма опять расхохоталась.

– Надо же все как-то спрятать, и на экзамен она надела самую длинную юбку. Ну, сидит, решает и время от времени «подглядывает». А как это сделать? Только, поддергивая юбку. Ну, закончился экзамен, стоим, обсуждаем задания и решения. Вдруг подходит директор школы и отводит Ленку в сторону. И вдруг как начнет ее ругать! Негромко, но видно, что ругает! Ленка покраснела, мялась, а потом вдруг как юбку задерет!

И Ирма снова захохотала безудержно.

– Да, просто директор ругал ее за то, что она все время задирала юбку. Он-то думал, что она с мальчиками заигрывает по-взрослому, раз школу заканчивает. Вот он ее и стал отчитывать! А Лену так обидело такое подозрение, что она решила сразу же доказать, что мальчики тут ни при чем. Вот и показала формулы.

И они снова расхохотались. Ни Воронову, ни тем более бабке этот рассказ не показался смешным. Но Воронов все-таки вежливо улыбнулся, а старуха бесцеремонно вмешалась:

– Обедать собираемся! Будешь с нами?

Овсянников на грубость никак не отреагировал. Ответил так же приветливо:

– Вы уж меня извините, что не ко времени...

И, прерывая Ирму, начавшую было протестовать, повторил:

– Не ко времени, не ко времени. Да к тому же меня и дома на обед ждут. Жена уже все приготовила, так что неудобно.

Он протянул руку Воронову:

– Приятно было познакомиться! Вам, как кавалеру, делаю предложение: завтра в этот же час приходите к нам. На обед, да, и поговорить будет интересно. Мы в столицах редко бываем, а вы в наших краях, видимо, еще реже.

У ворот повернулся и повторил:

– Приходите! Будем рады видеть!

3

В доме Овсянникова их ждали!

Жена его, ровесница мужа, ходила по двору в изначально разноцветном, но давно выцветшем китайском «адидасе», в которых в далекие девяностые гуляла вся отчаянная братва, но чувствовала себя спокойно, будто ей было совершенно безразлично, как она выглядит в глазах гостей!

Впрочем, какие они для нее были «гости». Просто люди, приглашенные мужем, главой семьи, дома и всей ее жизни! И она принимала их, находясь на своем, только ей принадлежащем месте, совершенно довольная своей судьбой и положением.

Делано всплеснув руками, она позвала Ирму и Воронова в дом.

Кухня, находившаяся сразу у двери, одновременно была и столовой, но это была настоящая «столовая». На большом столе стояла супница, источавшая ароматы борща! Тут же стояла миска с соленьями, мисочка с грибами и большое блюдо с зеленью, видимо, только что собранной с грядки.

Обед в этом доме был особой церемонией, как видно, отработанной годами и доставляющей удовольствие не только своей неспешностью, но и тем, что хозяева демонстрировали наличие в доме своего, особого порядка.

Овсянников, подойдя к столу последним, дождался, когда все взгляды сойдутся на нем, посмотрел на жену, потом на Воронова, но обратился будто бы к ней:

– А что, хозяйка, не смочить ли нам горло перед обедом, а?

Отвергать инициативу хозяина Воронову показалось неприличным, и он кивнул.

Обедали неспешно.

Жена Овсянникова, видимо по привычке, спросила, что интересного нашли, и учитель сразу же перевел разговор на Воронова и Ирму:

– А вот нашел я новых помощников, людей увлеченных, из столицы, между прочим! Может, и помогут там какие-никакие следы отыскать. Мне-то в тамошние библиотеки да архивы не собраться никак.

Жена едва вытерпела монолог мужа, всплескивая руками:

– Из Москвы? Прямо из Москвы? Ой, как хоть вы там?

И, не ожидая ответа, она стала знакомить их со своими взглядами на положение дел в Москве, России и мире в целом, пересказывая телевизионные выпуски новостей и аналитические программы, которыми так богато современное российское телевидение.

Ирма время от времени пыталась отвечать на риторические вопросы хозяйки, а Воронов с хозяином дома сидели молча, понимая, что в данный момент их мнение тут никому не интересно.

Только после обеда, когда они шли следом за Овсянниковым в его «келью восковую», он сказал:

– Ей, конечно, трудно: целыми днями дома, поговорить не с кем. Так что вас ей не столько я привел, сколько провидение послало.

«Келья восковая» оказалась домиком, сколоченным из толстых досок, хранящим прохладу даже в такой жаркий день.

– У меня от жары, знаете ли, мозги слипаются, – с усмешкой признался Овсянников.

Встав посреди домика, повел руками по сторонам:

– Рассаживайтесь кому как удобно, будем знакомиться, гости дорогие.

И, садясь в деревянное кресло у стола, предложил:

– Я, пожалуй, по нескромности с себя начну. Чтобы вас не сковывать. Ирма, хоть и училась у меня, а только в качестве учителя и знает. А в последние годы тут такие дела интересные,

что рассказывать о них надо с самого начала. Приехал я сюда в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году из Города с дипломом тамошнего университета. Приехал уже в июле, хотя в направлении срок был указан в середине августа. А мне, по правде говоря, очень хотелось стать на ноги. До этого-то времени я все дома жил, с родителями. И вбил я себе в голову, будто герой Тургенева или Чернышевского, что пора мне уже самому служить народу, а не на шее родителей сидеть. Да и время-то, если помните, к этому подвигало! Горбачев, перестройка, новое мышление! Не знаю, как вы, а я верил во все это.

Овсянников замолчал, и Воронову показалось, что он просто хочет успокоиться. Видимо, Михаил Сергеевич со своими новациями до сих пор сидел у него в печенках.

– По диплому я «историк, преподаватель истории и обществоведения», и когда приехал, то директор от радости аж засветился, честное слово, – улыбнулся Овсянников. – Дело в том, что решено было тогда строить тут мост. Река-то наша иной раз так весной разливается, что на ту сторону перебраться невозможно. Раньше-то было сложно, а сейчас вовсе жизнь замирает. Ну да не о том речь. Решено, значит, было ставить тут мост. А был в те времена закон, что все работы, связанные с использованием земель, ну, не сельхоз, а просто земли, нельзя начинать, не обследовав на предмет археологической значимости. Проще говоря: есть ли тут археологические памятники или нет? И государство обязало организации, которые такие работы ведут, оплачивать такие вот археологические исследования.

Овсянников посмотрел на нас:

– Не очень я вас заговорил?

Ирма опередила Воронова:

– Ну, что вы! Вы не извиняйтесь! Вот вы свой рассказ закончите, так я вас вопросами замучаю в ответ.

Учитель, кивнув, продолжил:

– В общем, именно в тот самый год и получено было такое решение насчет моста. Местная власть спешила выполнить указание «сверху», да и вообще, мост был нужен, а строителям тоже не хотелось время терять. И заковыка была вот в чем: шла, оказывается, грызня между археологами за такие «обследования». Это ведь они сами определяли объемы. А что такое «объемы»? Это, просто говоря, деньги! А на деньгах, как известно, не написано, куда и как их тратить. Можно ведь написать «разработка концепции» да несколько человек по этой статье отправить, например, на консультации в Херсонесский музей-заповедник в августе месяце. А Херсонес-то – это Севастополь, а Севастополь-то – это Крым! И какой ученый откажется поехать в Крым в августе на пару недель для подробных консультаций на морском берегу? – хитро и, пожалуй, ехидно усмехнулся Овсянников.

– И что, ездили? – не удержалась Ирма.

Овсянников поскреб подбородок, и чувствовалось, что сарказм в нем бурлит.

– В этом-то все и дело, что не получилось. И не получилось именно из-за вашего покорного слуги, который, впрочем, в тот момент ничегошеньки не понимал. Во-первых, почему наш директор так обрадовался? Дело в том, что такие заключения, как я уже сказал, кормили не одного человека, и получить такой заказ хотели все. Ну а если хочешь что-то получить, то, будь любезен, держать руку на пульсе. В ту пору ведущим по археологии в нашем регионе считался Свердловск, который ныне Екатеринбург. И тамошние ловкачи, узнав о том, что будет строиться мост, приехали прямо к нашему районному начальству. И не просто приехали, а «по рекомендации». На нашем севере-то таких «исследований» море разливанное, дело отработанное. Можно ведь, например, дочку или сына начальника принять в вуз, или его жену на время проведения работ в этом месте назначить каким-нибудь лаборантом и платить ей хорошие деньги за ничегонеделание, верно? Много возможностей, сами понимаете. Ну, в общем, приехали, стали предлагать условия, а наши возьми да и откажись: мы, дескать, в университет Города обратимся, нам так удобнее. Ну, приехавшие долго спорить не стали, портфели в

руки – и к дверям. А на прощание сказали: в Городе археологов нет, а к нам вы еще на брюхе приползете!

Овсянников усмехнулся:

– Вот и не знали наши местные власти, что им делать, головы ломают, с чего начать, а тут я! Собственной персоной, да еще и из того самого университета! Мне, между прочим, первым делом предложили решить жилищный вопрос. Еще до разговоров об археологии и университете. Предлагали полдома в райцентре, который на той стороне, и предложили этот вот дом! Ну, сами видите, выбрал я дом и ни разу не пожалел о том.

Овсянников обвел взглядом домик, и улыбка сопровождала это обозрение.

– Ну вот, – продолжил он. – Поехал я в свой родной Город, в свою альма матер, свой университет! Пришел на факультет, меня все узнают, здороваются, интересуются моими успехами. Секретарша в деканате обрадовалась, доложила, вхожу в кабинет, а меня – как ушатом холодной воды: садись, Ваня. Я-то уже всюду «Иван Герасимович» и человек важный, а тут... Ну, ладно, сел, думаю, сейчас я его обрадую и реванш возьму, а мне второй ушат: ничего не получится, время ушло, все студенты уже разъехались, только через год. Я, дурачок наивный, ему карты выкладываю, мол, через год свердловчане все загребут, а он мне так, назидательно: «Рано интриговать начинаете, юноша, легковаты вы для этого, вас еще никто знать не знает! Вы сперва вес наберите, а потом уж начинайте свои игры». В общем, будьте здоровы!

Овсянников даже сейчас, спустя много лет, как-то неловко развел руками: дескать, как же так...

– Иду по коридорам, представляю, как посмотрю в глаза тем, кто меня сюда отправлял, кто на меня такие надежды возлагал, чувствую, как пот по спине струится и краска лицо заливает. Иду, ничего и никого не вижу, и буквально врезаюсь в кого-то! Поднимаю глаза – Валера! Работает у наших археологов. Шебутной такой парень, но хороший, знающий, веселый. Рассказал я ему о своей беде, он спрашивает: ты надолго приехал? Да и не знаю, говорю, наверное, обратно поеду. «А ты, – говорит, – не спеши. Подходи сюда через три часа». В общем, повез он меня на раскопки, которые вели университетские археологи, и рассказал все преподавателю, который ими руководил, тоже археологу. Тот-то за идею сразу ухватился, расспросил меня, говорит: ложись спать, завтра поговорим. На завтра садимся в машину к Валере и мчим в наш райцентр. Я такого и не ожидал, но мужики эти – Валера и преподаватель – будто только тем и занимались, что такие заключения делали для строителей.

Честно скажу, все, что относилось к строительству, меня мало интересовало. Для меня гораздо важнее было другое: не прошло и недели, как началась эта самая археологическая разведка. Детали вам ни к чему, а общее знать надо, чтобы рассказ понимать. Идет эта самая разведка и обзорекает окрестности. Может, в других местах это как-то иначе делают, а у нас именно так. Идет она, значит, обзорекает, и если видит большую поляну в тайге или несколько полей средних размеров, рядом расположенных, то глядят внимательно, высматривают на земле выпуклые окружности диаметром метров семь-восемь в среднем. Такая окружность остается через несколько десятилетий на месте, где стоял прежде шатер, собранный из тонких и длинных стволов, которые вкапывали в землю, сверху связывали в пучок, а поверху натягивали шкуры зверей. Вот и готово жилище, понятно?

Все слова Овсянников сопровождал жестами, показывая, как именно много веков назад возводили жилье те, кто тут скитался в поисках лучшей жизни.

– Разведку вести, между прочим, довольно рискованно, если делают это люди несведущие. А откуда у нас взять сведущих? Мне дали команду собрать всех, кто перешел в десятый и одиннадцатый классы, набралось человек двадцать, так ведь никто из них в этом ничего не понимает, да и заблудиться может в тайге-то. Но археолог этот, Кедровкин, светлая ему память, оказался блестящим организатором. Ну, прежде всего, видимо, на этом заключении для строителей он неплохие деньги поимел и к материалам своей докторской многое добавил, но и

работал он отлично. Все время, пока мы тут работали, он и сам мотался туда-сюда, как челнок, и людей привлек. Во-первых, конечно, того Валеру, с которого все началось, а во-вторых... Приходит ко мне в школу незнакомый человек и говорит: прислали тебе в помощь, фамилия моя Клевцов, зовут Борис Борисович, по рекомендации Кедровкина, ясно?

И как-то сразу поставил он себя начальником: туда пойдешь, то организуй, то согласуй. И все погоняет: скорее, скорее, чего тянешь!

Поначалу-то я даже рад был, что есть кому командовать. Повторяю, – улыбнулся Овсянников, – я-то ведь вчерашний студент, какой из меня начальник. Ну, а Клевцов этот, как потом выяснилось, тоже не за «спасибо» старался. Он, оказывается, числился заместителем директора музея где-то на севере и Кедровкин обещал взять его в аспирантуру, если будет основа диссертации. А по тем временам кандидат наук – большой человек, заметный, уважаемый.

Овсянников глянул на часы и охнул:

– Идемте на воздух. Там у меня под навесом все для чаепития хранится, а солнышко оттуда уже ушло. Посидим в тени на свежем воздухе. Я вас уже, поди, заговорил?

– Ну что вы, – ответила Ирма. – Не знаю, как Алеше, а мне очень интересно. Я ведь обо всем этом только от вас и слышу сейчас. Так что рассказывайте, рассказывайте, Иван Герасимович!

Овсянников, колдуя над керосинкой, наливая воду и смешивая чай и травы из разных баночек, продолжал:

– Уж не знаю, каким образом, а Кедровкин устроил так, что и стройка началась почти сразу же. Написал он куда-то письмо на бланке, сам отвез и сам привез ответ: дескать, под ответственность местных властей, которые обязаны следить за ходом археологических работ. И появилась тут строительная техника, стали завозить стройматериалы, начали что-то измерять, в общем, работа пошла.

И у археологов работа пошла. Организатором Кедровкин оказался прекрасным! Светает у нас в это время часов после пяти. Клевцов в пять уже выходил на разведку. Его работа проста – наметить маршруты для поисковиков. В семь утра Валера ведет на поиск три бригады человек по семь-восемь в каждой. Состоит бригада из двух-трех студентов, которых Кедровкин сам отобрал из числа интересующихся археологией, и с ними три-четыре наших старшеклассника, которые хоть немного знают местность. Валера их всех сопровождает до начала их маршрутов, которые уже обследованы Клевцовым и самим Валерой. Отводит их к начальной точке маршрута, еще раз все объясняет, а потом еще и ходит за ними, проверяет. Обед брали с собой сухим пайком, чтобы разведку вести неотрывно часов восемь-девять, чтобы вернуться засветло, пока с пути сбиться почти невозможно.

Овсянников стал разливать чай по чашкам, выставил на стол вазочки с халвой, конфетами, печеньем.

– А вы, я смотрю, чай пьете вприкуску, – улыбнулся Воронов.

Учитель улыбнулся:

– В наших местах «чай» – это своего рода клуб по интересам. Иной раз как сядем в учительской после шестого урока, так и сидим до позднего вечера. Бывало, что приходилось просить, чтобы на машине домой подбросили. Между прочим, в этом доме и размещались все археологи в тот раз.

Ирма снова удивилась:

– «В тот раз»? Значит, был и другой «раз»?

Овсянников взял в руку блюдце, на котором стояла чашка, сделал несколько глотков и ответил:

– Был, и не один. Просто с этого лета все началось. Именно в то лето я впервые узнал о «чертовом городище».

4

В гостях у Овсянниковых сидели допоздна.

После долгого чаепития с мужем состоялось почти столь же длительное и с женой, которая будто преградила им путь столом, на котором батареей стояли банки с вареньями и компотами и самый настоящий самовар с сапогом, а в любезном приглашении царствовала непреклонность.

Ну, как тут откажешься!

Домой шли уже в полумраке, отгоняя комаров и мошек, которые их облепили, и пришли искусанными и злыми. Поэтому, когда Ирма, уже почти раздетая, сбегала и принесла бутылку мутноватой жидкости, пару огурцов и шмат сала, Воронов эстетствовать не стал, нарезал сало и намахнул стаканчик самогонки, которая ему сразу понравилась, а потом, буквально через пару минут, еще один.

Выпил и погрузился в легкую расслабленность, размышляя, как хорошо вот так, без лишних забот, жить в таежной тиши. Ни тебе звонков «какделастарик», ни тебе ворчаний, как в московском окружении, сплошное удовольствие!

То ли долгий день, то ли деревенская самогонка тому причиной, а ко сну Воронов отошел сразу. И уснул с удовольствием.

Неизвестно когда, но удовольствие было прервано. Причем, вероятно, в довольно скором времени.

Сначала Воронов через сон слышал какое-то бубнение и подумал, что это из сна и сейчас пройдет.

Не проходило.

Он повел рукой по кровати – Ирмы не было.

«Наверное, с бабкой разговаривают», – подумал он. Ругает, поди, ее бабка за что-то, но ругает негромко, чтобы его, Воронова, не разбудить.

Он уже удобнее устроился, чтобы снова заснуть, как вдруг раздался удар. Ну, не удар даже, а скорее толчок или шлепок. Да, наверное, шлепок. Будто кто-то в пылу спора пристукнул ладонью по столу.

«Это что они так разошлись», – удивился Воронов. Бубнение стало громче. Услышав вновь какой-то резкий звук, Воронов после короткой паузы все-таки решил подняться и выйти к спорщикам.

Он уже был возле двери, когда Ирма подошла к двери и со словами:

– Тише ори, Лешу разбудишь, – заглянула внутрь.

Видимо, она сделала это специально, потому что за тот краткий миг, пока она заглядывала в комнату, в такой темноте ничего нельзя было разобрать. Кроме того, она, отходя, закрыла дверь неплотно, оставив довольно большую щель.

Воронов замер у двери. Все происходящее ему не нравилось, и он обратился в слух.

Ирма, видимо, вернувшись к столу, села и заговорила так, чтобы Воронову все было слышно.

«Интересно, – подумал он, – Ирма слышала мои шаги и потому открыла дверь, или она открыла и стала говорить громче, чтобы разбудить меня». Впрочем, раздумывать было некогда, потому что беседа явно обострилась.

– Ты что, думаешь, давно не виделись, так я все забыл? А, моя неверная первая любовь? – Мужской голос был переполнен сарказмом.

– Да, пошел ты, «любимый»! – не сдерживала себя Ирма. – Верность ему подавай! Надо мной вся Балясная ржала, как кони! В моей кровати мою же лучшую подругу трахал, а я вернулась не вовремя!

– Ну, так, ты ведь говорила, что ближе к обеду вернешься! – хохотнул мужской голос. Снова раздался глухой шум, и мужской голос продолжил:

– Ты, Ирма, не ерепенсья! Характер твой, может, и остался, да мне на него наплевать!

– Наплевать ему, – после короткой паузы усмехнулась Ирма. – А чего же ты, Феденька, прибежал как цуцык? Соскучился? Кровать решил проверить?

– Да, по хрену мне и ты, и твоя кровать, и твой хахаль!

Федор, как его называла Ирма, говорил шепотом, но это не ослабляло накала его голоса.

– Ты мне комедию тут не ломай! Дураков тут нет, время всех учит!

– Да ты, как был дураком, так и остался, и время тебе не поможет, – сдавленно выдохнула Ирма, но что-то в ее голосе изменилось. Появилась какая-то неуверенность.

Видимо, это понял и Федор, потому что заговорил совершенно иначе – уже не шепотом, а голосом. Очень негромким, но – голосом.

– Эх, Ирма! Называть-то меня ты хоть как можешь. Твоя правда: я тебя до сей поры люблю. Но я-то один, а должна ты многим...

– Да нет на мне долга.

Ирма тоже говорила другим голосом. Уже без запала, без злости, устало и почти обреченно.

Оба молчали.

После паузы Федор спросил все так же тихо, рассудительно:

– Ты сейчас-то зачем комедию ломаешь, Ирма?

И снова замолчал.

– Не ломаю я ничего, Федя.

Ирма говорила обычным голосом. Негромко, но уж вовсе не шепотом.

– Я там ничего не брала. Была? Да, была! Но ничего не брала, потому что там уже ничего не было. Ни-че-го! – отчеканила она по слогам.

Снова повисло молчание, которое прервал долгий и тягостный вздох Федора:

– Ладно, пойду я. Я-то ведь хотел, чтобы все по-культурному решить, а ты, вижу, все свою линию гнешь.

По звукам стало ясно, что он поднимается, идет, видимо, к двери. Потом звуки снова затихли, и Федор сказал:

– Он мне-то мало верит, а уж тебе...

Видимо, он двинулся к двери, потому что Ирма спросила, чуть повысив голос:

– Он здесь?

Федор ответил с раздражением:

– Ты его не знаешь, что ли! Сейчас нет, а через пять минут нарисуетя.

Дверь скрипнула, открываясь, и стукнула, закрываясь.

Потом снова скрипнула. Ирма, видимо, вышла во двор, чтобы закрыть ворота, и Воронов решил, что ему пора возвращаться в постель. Во всяком случае, пока надо делать вид, будто он ничего не слышал и, следовательно, знать ничего не знает.

Ждал Ирму, но она так и не шла, и Воронов уснул один. Да оно и лучше, спокойнее спится...

Тем не менее утром обнаружилось, что Ирма сопит под боком, а после пробуждения всем поведением стала показывать, что всю ночь провела рядом с Вороновым и терпела его пьяное состояние. Это Воронову нравилось еще меньше, чем ночной разговор с таинственным Федором, но играть в сыщика он не хотел, да и не знал, как начать.

После завтрака бабка неожиданно сказала:

– Идите-ка вы на речку, чего тут мне шары-то мозолить.

– «Шары» – это бабушкины глазки лазоревы, – любезно пояснила Ирма, но идею подхватила. – В самом деле, пошли.

Шли долго. Сперва до берега, потом вдоль него, миновав шумную компанию местной ребятни, игравшей на песке.

– Долго еще? – поинтересовался Воронов.

– Терпи-терпи, я тебя на настоящий пляж веду. Пляж с золотым песком, – ответила Ирма. Через несколько десятков метров женщина остановилась и стала снимать халатик.

Воронов огляделся. Тут не было вообще никакого песка. Просто земля с кустиками довольно чахлой растительности, на которой просто лежать было бы неудобно, а о том, чтобы комфортно загорать, и речи быть не могло.

– Это и есть твои «Золотые пески»? – скривился Воронов.

Но Ирма уже поправляла купальник:

– Заголяйся, давай, столичный житель, реку форсировать будем, – усмехнулась она и вошла в воду.

Поежилась:

– Нежарко! Ладно, там согреемся. Пошли.

Она бросилась в воду и поплыла, крикнув Воронову:

– Твоя очередь одежду тащить!

Вода была действительно холодной, да и грести одной рукой неудобно, поэтому на то, чтобы проплыть метров шестьдесят, Воронов потратил много сил и выбрался на берег, задыхаясь.

Бросил комок одежды на землю:

– Обратно сама носи.

Ирма с улыбкой подняла одежду – и свою, и Воронова – и пошла вперед через кустарник.

– Ты куда?

– А мы еще не добрались, – ответила женщина через плечо. – Не отставай, заблудишься.

И смотри под ноги, тут змеи водятся.

– Правда, что ли? – недоверчиво спросил Воронов.

– Правда, конечно. Но если их не трогать, то и они не тронут. Просто смотри под ноги.

Воронов шел с обреченностью путника, плутающего в пустыне, но, когда они миновали кусты, понял, что цель путешествия стоила того. Перед ними простиралась метров на сто, если не больше, гладь светло-желтого мелкого песка.

– Вот тут и есть наше Эльдorado, – пояснила Ирма, снимая купальник. – Ничем не хуже Ибицы. Ты был на Ибице, Воронов? Ты занимался там сексом прямо на пляже?

Она обнимала его и целовала, встав сперва на одно колено, потом на оба.

– Воронов, сегодня ты мой бог!

И потянула его на песок...

Резко поднявшись, она отправилась к реке, оставив Воронова на песке одного...

Потом расстелила простынь, легла на нее и посмотрела на Воронова.

– Простынь-то надо было с самого начала достать, – сказал он.

– Не будь занудой, Воронов, – улыбнулась Ирма. – Мы с тобой сегодня натуралисты, у нас даже презервативов нет. И вообще, ты чего такой серьезный.

Воронов плюхнулся на простынь, потянулся.

– Спал плохо, – проговорил он, глядя на Ирму.

Ирма взгляд почувствовала, посмотрела в ответ, понимающе кивнула:

– Слышал все?

И замолчала, глядя на него, будто в ожидании ответа.

– Ты на меня не гляди так пристально, – проговорил Воронов. – Ты мне лучше абрис сделай.

Ирма села, и лицо ее приняло игривое выражение:

– Что ты называешь «абрисом»?

Воронов перевернулся на живот.

– Ну, ладно, не прикидывайся. Что это за мужик был? О чем он говорил? Чем угрожал? Что тут вообще творится?

Ирма легла рядом.

– У тебя сигареты есть?

Закурила.

– Что рассказывать. Обычная, в общем, история. Первая любовь. Городская девица приехала в таежную глушь, где, по ее мнению, слаще морковки ничего не видели, и попала на своей наивности. Я-то думала, что тут сплошь недоумки, а тут люди ухватистые, во всем разбираются уже с первого класса. По весне-то сучки с кобелями не прячутся, а ребята все видят. А я приехала вся такая правильная. А Федор тут первый красавец, все девки возле него крутятся. Ну, думаю, я вам, сучки таежные, покажу, кто тут самая красивая! Показала. Недельку водила его за нос, а потом сама в кровать затащила. Ну, любовь тут началась неземная, каких прежде и не бывало.

В голосе Ирмы переплетались и обида, и злость, и раскаяние, и неясно было – на кого все это направлено: на себя или на Федора. Или – еще на кого?

– Ну а потом май, последние уроки перед каникулами, и что-то у меня настроение такое весеннее, превосходное. Говорю Федору: иди к нам и жди меня, а я все сделаю, приду, обедать будем. У нас должна была репетиция быть, а репетировали мы каждый раз долго. Я и решила, что к обеду вернусь. А учительку, которая драмкружком руководила, куда-то вызвали. Репетицию отменили, я бегом домой. А там...

Ирма закурила новую сигарету и продолжила уже наигранно веселым тоном:

– А там новая любовь зарождается прямо на моей кровати! Ну, я – девочка городская, гордая! Побежала в школу, сказала, что телеграмма от родителей, срочно надо уезжать, попросила справку об окончании десяти классов. И, как говорится, первой же лошастью – вон отсюда!

После долгого молчания подвела итог:

– Вот такая история, Воронов.

Воронов сел, посмотрел на нее, помолчал. Потом спросил:

– Ну, а о чем он говорил, будто ты забрала? И кем еще он тебя пугал? Ты рассказывай, рассказывай, я слушаю...

– А это я тебе расскажу не сейчас и не сегодня, любимый мой, – спокойным голосом ответила Ирма, поднялась, шлепнула себя. – Ты лучше моей задницей любуйся, мужчина!

И побежала в воду.

...С реки возвращались, когда солнце уже двинулось к заходу. Едва заметно, но тронулось.

Шли быстро. Во-первых, потому что у Ирмы подгорели плечи, а во-вторых, на природе зверски проголодались, но обнаружили это, лишь когда стали собираться домой.

Они сначала и не услышали, как кто-то кричит. Обернулись лишь тогда, когда и кричавший уже был близко. К ним приближался быстрым шагом, почти бегом Овсянников. Глядел почти неотрывно на Ирму, но несколько раз как-то оценивающе поглядел на Воронова. Подошел, остановился. Махнул рукой:

– Чего уж там! Ирма, мне кажется, я сегодня видел Клевцова.

– И что? – спросила Ирма, и Воронов почувствовал, как она напряглась.

– Да, так-то оно бы и ничего, – пожал плечами Овсянников. – Но он как-то странно себя повел. Я, видите ли, без очков плохо вижу, так что, пока «глаза обувал», он уже меня разглядел и повернул в сторону. И – шире шаг!

– Ну... Иван Герасимович... может, это и не Клевцов был?

По голосу Ирмы было ясно, что она и сама не верит в ошибку учителя.

– Ну, может, и не Клевцов, – кивнул Овсянников. – Тот-то подошел бы.

– А у меня, Иван Герасимович, ночью был Барабаш, – выпалила вдруг Ирма.

– Федор?

– Федор.

– Ну, тогда... Тогда, я видел именно Клевцова, Ирма, – развел руками учитель и повернулся к Воронову. – Тогда я скорее к вам, Алеша. Вы, пожалуйста, Ирму никуда одну не отпускайте и будьте ...

Он замолчал, подбирая слова, потом закончил с неловкой полуулыбкой:

– ...получается, что вам надо быть бдительным, Алексей, – и повернулся к Ирме: – Вот ведь как получается.

– Иван Герасимович... – начала Ирма, но тот прижал руки к груди:

– Прости старика, милая, опаздываю. Завтра все обсудим, а сегодня буквально пару слов выслушай. Ты помнишь, что в тех рассказах старых жителей, которые мы собирали и читали, нас удивляли слова о собачьем лае?

Ирма тряхнула головой, будто отгоняя сон:

– Какой лай, Иван Герасимович?

– Люди из деревень, которые нам рассказывали про «чертово городище», говорили, что слышали издали, будто через пелену, собачий лай!

Ирма шлепнула себя по лбу:

– Конечно, помню!

– Так вот, мы не верили, что по лесу могут бегать стаи собак.

– Не верили, да и не могут они...

– И не они!

– Что?

– Не собаки это были, Ирма! Вполне возможно, что это был лай лисий. И это значит, возможно, что где-то там был питомник по разведению пушных зверей. Край-то у нас богат «мягким золотом», как говаривали в древние времена, и, возможно, кто-то решил вместо того, чтобы по тайге плутать в поисках зверя, разводить его у себя под боком. Делов-то – только, что клетки сколотить.

– Ну, а связь какая? – невольно вмешался Воронов.

Овсянников уперся пальцем в пуговку на рубашке Воронова:

– Есть у меня соображения некоторые, но все это – завтра. Приходите часов в десять, будем чай пить. А ты, Ирма, вспомни, кстати, того краеведа, которому мы письмо писали. Он ведь нам что-то интересное тогда рассказал.

– Помню! – радостно вскрикнула Ирма. – Он ведь...

– Все, дорогие мои, извините, бегу. Завтра, Ирма, все завтра.

И зашагал в обратную сторону...

5

После встречи с Овсянниковым Ирма, видимо, вспомнила, что идут они издалека, повисла на руке Воронова и тараторила, вспоминая истории тех времен, а едва вошли во двор, громко закричала, что не ела целую вечность, что совсем оголодала, что остались только кожа да кости. Так и ходила, то, крича по двору, то забегала на несколько минут в избу.

Старуха тоже покрикивала в ответ, но стол накрывала проворно, и видно было, что делает это с удовольствием.

Сели за стол, и Воронов, налив самогонки в стаканчики, сказал:

– Вот, хочу выпить за ваше здоровье, а стараниями вашими и вашей внучки даже не знаю вашего имени-отчества.

Бабка непонимающе уставилась на него:

– Чево?

– Ну, как вас называть? А то все без имени да без имени.

Бабка продолжала молчать, и Воронов спросил еще раз:

– Как ваше имя?

– Нателла, – все еще не понимая, что происходит, ответила бабка.

– Ага, – радостно кивнул Воронов и поднял стакашек. – Ну, за твое здоровье, бодряя грузинка!

– Какая еще грузинка? – удивленно спросила бабка, но стаканчик опустошила.

– Ну, как? Внучка ваша – Ирма. Имя грузинское. Ты – Нателла, тоже грузинское имя.

– С чего грузинское-то? – начала приходить в себя бабка.

– Была такая грузинская певица Ирма Сохадзе, – привел аргумент Воронов. – И про какую-то Нателлу я тоже слышал. Вроде про грузинку.

Он снова взялся за бутылку, наливал как бы между прочим, продолжая разговор.

– А вы, значит, не из грузинских? – вроде как с сожалением переспросил он и поднял стаканчик. – И давно тут ваш род живет?

И, едва опрокинув самогонку в себя, сменил тему:

– А вот скажи-ка мне, любезная Нателла, что у вас тут за разговоры про «чертово городище»? Мы тут всего ничего, а со всех сторон про него разговоры идут. Ты про него что слышала или нет?

Бабка между тем, не обращая никакого внимания на вопросы Воронова, продолжала спокойно обедать и, только поняв, что прозвучал последний вопрос, остановилась:

– Ты вот что, голубь, ты закусывай! Самогонки мне не жалко, а наоборот, пей в удовольствие. А закусывать надо, чтобы здоровье не повредить. А то вы там, в городах, себя губите всякими этими экологиями да черными дырами.

И, проследив, чтобы Воронов взял ложку и начал хлебать борщ, сменила тему.

– Ты словами-то не бросайся и черта реже поминай! Балясная, известно, без церкви живет, а бога не забывает и бог ее бережет. Про городище мне еще моя старшая сестра рассказывала. Ее с нами заставляли нянчиться, вот она и выдумывала разные сказки. Да старалась выдумать пострашнее, чтобы мы за ворота не шастали. А то, если мамка вернется, а нас нет, так ей задницу отстегают, а потом велят бежать, нас искать.

Она посмотрела на Воронова и с ехидцей спросила:

– Тебе-то, поди, страшилки неинтересно слушать, а? А про то, какими еще словами городище прозывается, я не знаю и знать не хочу.

– Делать-то все равно нечего, – ответил Воронов.

– Нечего-нечего, – согласилась бабка. – Тебе про городище-то что знать надо?

– Мне? Да просто интересно. Люди говорят, а я и не понимаю – про что?

– Не понимаешь, так оно иной раз и к лучшему, – философски заметила бабка и уточнила. – Я ведь по-вашему, по-ученому, не умею говорить.

– А мне и не надо по-ученому, – усмехнулся Воронов. – Мне по-человечьи даже лучше будет. Глядишь, больше пойму.

– По-человечьи тоже заковыристо получится, да ладно, сам просил. Но говорить буду так, как сама слышала. Погоди, чай приготовлю.

Впрочем, чай она готовила прямо тут, а потому и рассказ почти не прерывала.

– Первый-то раз я это все услышала истинно так, как тебе сказала, от старшей сестры, а где там сказка, где быль – не знаю. Да тебе, я думаю, сказка и не нужна. А слух пошел в войну. Балясная-то на отшибе, новости сюда медленно идут, да и отсюда тоже. Молодых мужиков, конечно дело, в армию побрали. Остались или старые, или хворые, или совсем сопливые. В общем, для баб тоска в любую сторону. Как хошь, так и справляйся. А еще осенью, ближе к ноябрьским, привезли к нам эвакуированные семьи. Где с мужиком, где нет. Из разных городов, но больше из Ленинграда и Москвы. Расселили по нашим, конечно. Не строить же для них новое жилье. Осень, холода идут, да и некому. Ихние-то мужики к такому делу не приспособленные. И люди эти были, видать, не из простых, потому что сразу начали сюда наезжать мужики молодые, бравые, но все в гражданском. Ну, особенно бабам веселее стало.

Пока разместили всех, пока обустроились, зима началась. А те мужики-то так и продолжали наезжать. Для чего – не скажу, не знаю. Только бывало так – приедут ближе к обеду, пройдут по избам. Где просто зайдут – выйдут, где посидят, поговорят о делах разных. Иных приезжих – и мужиков, и баб – вызывали в школу. До обеда в школе уроки, а после обеда всех домой отправляют и учителей тоже, и какие-то там разговоры ведут. А еще так у них было: одни разговорами занимаются, а другие прямо с лыжами приезжают – и в тайгу. Для какой нужды – не знаю. Но с обеда до темна, считай, часа четыре-три пропадают. Иногда на ночь тут оставались. Ночевали в школе. Говорили, будто кто-то к нашим бабам шастал, но сама не слышала, а врать не стану.

Не знаю, с какого перепугу, а втемяшилось одному из этих мужиков настрелять соболей для жены. То ли от кого наслушался, что соболей тут полно, то ли еще что – не знаю, но стал он по деревне искать проводника, чтобы вместе на охоту пойти, да никого не нашел. Другим своим товарищам предлагал, да те отказались. А он еще говорит: дескать, такая охота будет, что и стрелять не придется, а мехов много можно взять.

Он, видать, как-то договорился со своими, потому что сразу, как приехали, он на лыжи – и в тайгу. Вернулся уже, когда темнело. Веселый, сказал, что теперь уж и жену, и дочь в соболя оденет, надо только подождать.

Приезжали они раз в неделю, дней в десять. Такого, чтобы как по расписанию, не было. Вот он раз приезжал – никуда не ходил, второй раз приехал – никуда не ходил, а потом снова отправился он один. Опять, как в прошлый раз, утром вышел, обещал вечером вернуться. Вечером его нет. Прежде такого не бывало, что делать – никто не знает! Побегали по Балясной, поспрашивали, а толку что? И утром его тоже нет. Тут уже им и ехать пора, и дальше таиться, видать, уже невозможно.

К вечеру приехали какие-то еще, походили по избам, поговорили с людьми и уехали.

Потом уж кто-то сказал, что доложили начальству, будто он самовольно отправился в тайгу, да там и пропал. А, дескать, буран да снег все заровняли, и найти его не получилось.

– Вот такая история, – завершила рассказ бабка. – Понравилось тебе?

– Понравилось, – кивнул головой Воронов. – Рассказываешь ты хорошо, обстоятельно. Ты мне только вот что скажи: ты почему решила, что это каким-то боком касается вашего городища?

– А таким боком, что мужик этот, перед тем как первый раз пойти, расспрашивал про городище, да ничего не вызнал. А когда вернулся, посмеялся: мол, ничего не знаете о том, что вокруг есть! Деревенские, мол, и есть деревенские.

– И над чем он смеялся? Над кем конкретно? – продолжал спрашивать любопытный Воронов.

– Да откуда я знаю? – взвилась наконец бабка Нателла. – Ты вон Ирку спрашивай! Они это городище все вместе искали!

Воронов стал поворачиваться к Ирме, но и та уже забеспокоилась:

– Ничего мы не искали! Это у нас вроде игры было!

– «Вроде игры»? Как это?

– Да чего ты к ней привязался, как мильтон? – сразу же переменяла позиции бабка.

Воронов расхохотался:

– А и правда – «мильтон»! Я уж и забыл, что ментов так звали!

– Вот и вспоминай, кого как звали, – от души посоветовала старуха. – Чего ты к девке вяжешься?

Но «девка» сама вмешалась, продолжив:

– Тебе же Овсянников рассказывал, как все начиналось, рассказывал, что школьники помогали. Меня как раз тогда к бабе сюда привезли. Уже не первый раз, конечно, а все равно – новенькая, никого не знаю. Ну, тут Овсянников и пришел: дескать, что дома сидеть, иди – знакомься с ребятами. Вот и ходили по Балясной, собирали разные рассказы про старые времена.

– И много вам про это самое... – Воронов демонстративно с опаской посмотрел на бабку, – про городище рассказывали?

– Да я вот сижу вспоминаю, – медленно проговорила Ирма. – Вроде и много, а вроде и ничего. Так как-то все было... к слову, что ли... будто вскользь.

– Это как?

– Ну, не про городище само – там никто не бывал, а про то, что вот, дескать, а еще ввали, будто... То есть понимаешь, – речь Ирмы становилась быстрее, увереннее. – Люди откровенничали про вранье. Сразу же предупреждали, что вранье пересказывают.

– А вы продолжали собирать?

– Так нам же Овсянников такое задание давал, мы и собирали.

Она подумала и продолжила уже торопливо, будто опасаясь что-то забыть:

– А ведь Овсянников это скрывал от всех!

– Ну, как он мог от всех скрывать, если вы открыто ходили и расспрашивали?

– Да нет. От нас-то ему что скрывать! И от деревенских – тоже, – она задумалась. – Но – скрывал! И нам велел не рассказывать никому. Говорил: мало ли что, сплетни пойдут, вы же ребята взрослые, понимать должны...

– Вот смотри, – заговорил Воронов. – Искали-искали, но городища этого не нашли, так?

– Так.

– Расспрашивали-расспрашивали, но ничего не узнали, так?

– Так.

– Ну а откуда, в таком случае, ноги-то растут у этого городища? – он посмотрел на обеих. – Вот ты, Нателла, говоришь, что только от старшей сестры слышала, значит, извини, до войны и – сказки. И при тебе ничего не находили, и никакой путник из тайги не выходил обросший и одичавший, так?

– Ну! – перекрестила рот Нателла.

Воронов готовил очередной вопрос, когда в ворота застучали сильно и требовательно. Потом раздался женский голос:

– Наталья, ты дома?

– Дома, чё орешь! – двинулась к воротам бабка.

– А гости твои?

– Дома все, дома, не ори! – снова попросила бабка. – Что случилось-то?

– Да как «что»? Овсянниковых убили! Пошли, посмотрим.

Бабка, охнув, прислонилась к воротам, Ирма схватилась за лицо, Воронов замолчал, соседка, оповестив, засемила к месту происшествия.

Воронов молчал недолго, взял Ирму за руку:

– Есть короткий путь к дому Овсянниковых? – и, видя неподвижное лицо Ирмы, повторил громко: – Есть путь?

Ирма кивнула, схватила Воронова за руку, потащила за собой.

Возле распахнутых ворот овсянниковского дома стояли, не решаясь войти, люди. Ирма стала проталкиваться вперед, а Воронов остался сзади.

Ему и отсюда было видно главное.

Овсянникова все в том же спортивном костюме лежала почти посреди двора, широко раскинув руки и согнув ноги в коленях. Овсянников сидел за накрытым для обеда столом, уткнувшись в него лицом.

Со стороны все это выглядело совершенно естественно. Будто Овсянникова решила удивить мужа балетным па или гимнастическим переворотом, но делала его неловко и упала. А Овсянников, увидев это, расхохотался так сильно, что аж прилег лицом и плечами на стол, показывая крайнюю степень веселости.

Ничего себе, весело...

Ирма, протолкавшись вперед, повернулась и крикнула:

– Иди сюда!

Но Воронов не только не пошел никуда, но и ей крикнул громко, будто их разделяли десятки метров:

– Не надо там топтаться, милиция потом заругается.

– Не «милиция», а «полиция», – поправил с чувством превосходства стоящий рядом мужичок лет пятидесяти. – Не знаем, как у вас, а у...

– Ирма, идем, там бабушка одна. Мало ли что, – громко сказал Воронов, глядя прямо в глаза мужику.

И тот, кажется, смутился.

Домой возвращались не спеша, молча.

Уже поворачивая с главной деревенской улицы к дому, Воронов увидел выезжающий мотоцикл с коляской, которым управлял человек в форме.

– Участковый, что ли? – спросил он у Ирмы.

Та кивнула головой.

– Пошли домой скорее.

Нателла все так же сидела у стола, положив руки на него.

Увидев входящих Ирму и Воронова, не шевельнулась и, только, когда они подошли к столу, негромко спросила:

– Что там?

Ирма молчала, и Воронов сказал коротко:

– Трупы там, Нателла, трупы. Два трупа.

6

Воронов слегка подтолкнул Ирму к скамейке, на которой сидела бабка:

– Садись. Поговорить надо.

Сам сел напротив, чтобы видеть обеих.

– Нателла, а отчество как?

– Что? – спросила бабка.

– Отчество ваше как? Как к вам обращаться?

– Ишь ты, – вернулась она к прежнему тону. – Сколько тут жил, не спрашивал, а тут...

И посмотрела на Воронова, выжидая.

Потом сказала то ли сердито, то ли смущенно:

– Иосифовна. Да ты не бойся, не еврейка.

Воронов ответил все тем же ровным голосом:

– Во-первых, евреи, как нация, мне ничего плохого не сделали, следовательно, бояться мне их нет причин. Во-вторых, я иногда книги читаю и знаю, что люди верующие своим детям имена давали по совету попов, которые детей крестили. Посему Иосиф – это не столько от евреев, сколько от христиан. Но христиане меня тоже никак не обидели, поэтому и их я не боюсь. Что касается вашего отчества, Нателла Иосифовна, то мне так проще вести серьезные разговоры: по имени-отчеству и на «вы».

– Ну, воистину – служитель закона, – будто через силу выговорила старуха.

– И ваши отношения с законом меня в данный момент мало интересуют, – точно тем же ровным голосом отреагировал Воронов и, видя, что собеседница приготовила ответную реплику, уточнил: – Заинтересуют, если увижу какую-нибудь связь происходящего с вами лично. И, пожалуйста, не перебивайте. Время дорого.

Нателла явно не хотела молчать, но Воронов выставил вперед ладонь и сделал движение в ее сторону, вынуждая молчать.

Перевел взгляд на Ирму:

– Ты начнешь?

– Я-то чего? – изумилась та.

– Ирма, – спокойным голосом начал Воронов. – Мы с тобой только что вернулись от двора, где лежат два трупа. Это тела хорошо известных тебе людей. Более того, один из лежащих там за несколько минут – минут, Ирма!!! – за несколько минут до своей смерти сообщает тебе какую-то новость, сообщает, хотя для этого ему приходится задержаться. А он спешит, Ирма, очень спешит. И у меня, между прочим, не сложилось впечатления, что он был в состоянии испуга или даже легкой паники. Он не был напуган, но спешил. Он спешил, но бросил все, чтобы подойти к тебе и предупредить, – голос Воронова набрал силу, стал напористым. – Он предупреждал тебя, хотя я стоял рядом, Ирма, значит, он был уверен, что важная информация дойдет до тебя, а я ее не пойму!

Воронов замолчал, достал сигарету и начал не спеша прикуривать. При этом он демонстративно шарил взглядом по сторонам, оглядывая то избу, то забор, то голубое небо.

Потом глянул на часы, будто решая, достаточно ли времени на размышления было у Ирмы, и продолжил, но уже иным тоном, душевным:

– Что хочешь, делай со мной, но я не могу представить себе, что это была какая-нибудь ерунда! Он тебе сообщил что-то очень важное.

Он снова замолчал. Сидел неподвижно, глубоко затягиваясь сигаретным дымом. Выдержав паузу, снова заговорил:

– Ты ведь испугалась, когда он тебе сказал об этом. Ты испугалась, но пыталась взять себя в руки.

Он неожиданно взял бутылку, налил половину стаканчика, протянул Ирме:

– Тебе нужно выпить!

Ирма, не говоря ни слова, выпила самогон, будто воду.

Нателла, напряженно слушающая, пока Воронов говорил, спросила:

– Что ей сказал Овсянников?

Воронов несколько раз перевел взгляд с одной на другую, потом, видимо, оценив состояние Ирмы, сказал:

– Она нам сейчас сама расскажет, кто такой Клевцов и как он связан со всем этим.

Нателла озабоченно поерзала:

– Это тот, что ли?

Ирма кивнула.

– Ну так, я тебе и сама расскажу, голубь сизый, – взбодрилась бабка. – Ирке и неудобно про такое говорить. Клевцов этот самый часто тут бывал и до того, как Ирка приехала. Искал тут вместе со всеми это самое городище чертово, – она перекрестила рот. – Не скажу лишнего, вел он себя все время прилично. А как Ирка приехала, стал он за ней ухлестывать. Опять-таки врать не буду – не сразу. Дня два прошло, должно быть, прежде чем он ее проводил. Правда, уже темнело, но кого тут бояться-то? Все свои. А он до ворот проводил и вроде как симпатии стал выказывать. А она, дело молодое, видать, стеснялась, что к ней, школьнице, такой взрослый дядька липнет. Ему уж тогда лет под сорок было...

– Тридцать четыре, какие «под сорок», – не удержалась Ирма. – И вообще помолчи, я сама расскажу.

Она пошарила по столу взглядом, потом спросила у Воронова:

– Где сигареты?

Закурила, глубоко затянулась несколько раз, потом продолжила:

– Не «лип» он ко мне. Честно. Парни-то уже и к сиськам лезли, и под юбку, а Клевцов ни-ни. Но все время вокруг меня был, если не уходил на эти самые поиски. Правда, первые дни никуда не уходил, каждый вечер провожал. Я поначалу, правда, боялась, что начнет приставать, а потом уж думаю, приставал бы скорее. Девки-то каждое утро рассказывают, хвастаются, а мне и сказать нечего, – она улыбнулась как-то виновато. – В общем, когда ушел он в свою «разведку», парни ко мне и не лезли. Думали, видать, что я «евоная». То ли боялись, то ли своих хватало – не знаю. Да и не в том дело!

Ирма пожала плечами.

– Как-то раз он мне и говорит: помнишь, ты рассказывала про заимку, которая где-то рядом?

– «Заимка»? Это что еще за зверь? – перебил Воронов.

– Заимкой у нас называют... – начала Нателла и замялась. – Как тебе сказать-то... Ну, вроде дачи, если на современный манер, но не дача.

– Ну, Нателла Иосифовна, – улыбнулся Воронов. – Вас слушать – сплошное удовольствие.

– А ты не ржи, будто мерин, – обиженно опустила уголки губ Нателла.

– Да, мерину-то вроде уж и сил не осталось ржать, – не унимался Воронов, но чувствовалось, что и ему передается напряженность всего происходящего.

– В общем, устраивал человек себе жилище подальше от деревни. Избу там ставил на манер тех, которые тут, забором обносил таким же. Вот! – закончила она пояснения.

– И переселялся туда? – удивленно спросил Воронов. – А зачем?

– Да не переселялся он, а было это... ну... для охоты, для рыбалки, чтобы если поедешь, то не в шалаше с комарами и гнусом жить, а в доме, как человек, а не как бродяга какой.

– То есть как бы вторую квартиру заводил? Чтобы при случае и... – уточнил Воронов.

– Ну, и для сраму, конечное дело. Вас, мужиков, не переделывать, – подчеркнуто спокойно согласилась Нателла.

– Да, переделывают, переделывают, Нателла Иосифовна, и не прячутся теперь, и не только баб любят, – в тон ей ответил Воронов. – Ну, а заимка-то эта, она как, общая была?

– Нет, зачем «общая»? Как раз каждый заимку-то ставил, чтобы от людей подальше побыть. Вроде как, по-нынешнему, в отпуск уехать.

– Ну, мало ли... Зима... Охотник заплутал, замерз. Может войти, согреться, от смерти спастись.

– Какой же ты охотник, если в своих краях заплутал? – безжалостно возразила Нателла. – Не знаешь дороги к местам – сиди дома, жену сторожи! И, потом, у нас нехорошо, если чужое берешь, а в дом чужой лезть вовсе стыдно и нехорошо! А на тот случай, про который ты говоришь, что замерз, ну, что, бывало, конечно, но для того все сообща ставили избушку в тайге. Оставляли там еды, всякого важного, печку уже снаряженную, чтобы только спичку поднести и – запылала! А когда собираешься уходить – ты печку-то заново приготовь. Не ты один тут плутаешь. Вот такие порядки у нас.

– Ну, то есть случайный человек в заимку не заберется? – уточнил Воронов. – Ну а вдруг?

– «Вдруг» он и есть вдруг. По-всякому поворачивает, – пожала плечами Нателла.

– Да что вы тут филологией занялись? – вклинилась слегка захмелевшая Ирма. – Могли – не могли, бывали – не бывали! Не это важно. Ты же про Клевцова спросил.

– Да, извини, – согласился Воронов. – Рассказывай.

– Я как-то у костра и рассказала про заимку. Помнишь, баба, ты говорила? – повернулась она к Нателле.

– Про «княжескую», что ли? – оживилась та.

– Ну да, – подтвердила Ирма. – Ты про нее и рассказала? Сказками побаловала?

– А это что за зверь – «княжеская заимка»? Почему «княжеская»? – спросил Воронов.

Нателла усмехнулась:

– Пусть Ирка рассказывает, а я погляжу, чего она там врала.

Ирма кивнула.

– Ты ведь знаешь, как у костра бывает! Каждый хочет что-то рассказать, чтобы выделиться, вот и я тоже. Стала рассказывать то, что от бабы слышала про эту заимку. Будто был тут какой-то князь в наших краях. Беглый князь из знатного рода, который хотел царя убить. Не убил, поймали его и в крепость посадили. А он оттуда сбежал. Тогда его в наши края сослали. Он тут и устроил себе княжескую жизнь, отстроил эту самую заимку и стал там гостей принимать на княжеский манер.

– Погоди-погоди, – не выдержал Воронов. – Что-то я сомневаюсь, что князь сам смог построить хотя бы хилый домишко, а уж заимку!

Он поглядел на Нателлу:

– Вы говорите, будто такая же, как ваш двор?

– Да, та-то, говорят, и побольше будет. Изба-то воистину дворец в два этажа.

– Ну, вот не стал вдаваться в дискуссию о размерах «дворца» Воронов. – Князю такое не поднять.

– Так он и не сам строил. Говорят, мужиков откуда-то привозили ему, – пояснила Нателла.

По взгляду Ирмы Воронов понял, что она об этом слышит впервые.

– Сама-то я, конечно, не видела, – продолжала Нателла, – это ведь давно было, уж и не скажу – когда. Но так люди сказывали.

– А ты мне не говорила, баба, – почти обиженно сказала Ирма.

– Ну, уж и не помню. Может, ты вообще уснула посреди рассказа...

– Ну, и что эта заимка? Что Клевцов-то сказал? – вернулся к главной теме Воронов.

– Клевцов-то? А так, я же дороги-то не знала тогда. А то, что взрослый мужчина меня провожает, было приятно. Вот я и давай выдумывать причины, чтобы не рассказывать то, чего не знаю.

– Почему так ему и не сказала, дескать, не знаю.

– Так он бы и провожать перестал, – улыбнулась Ирма.

– Согласен, – улыбнулся в ответ Воронов. – Ну, а еще что ты рассказывала про заимку?

– Да я больше-то выдумывала. Вспоминала, что баба рассказывала, и сама додумывала.

– В таком случае слово вам, – посмотрел Воронов на Нателлу.

– Да, мое-то слово тоже недолгим будет. Недолгим и будет оно повторением, не больше. Видя явное нежелание говорить, Воронов вновь обострил обстановку:

– Вы, Нателла Иосифовна, имейте в виду, что я не из праздного любопытства спрашиваю. Напомню, что перед смертью...

– Да, помню я, помню, – отмахнулась Нателла. – Мы с ребятами эту заимку много раз искать принимались. Хоть и война, да мы-то об этом мало понимали. Взрослые тревожились, а мы – что! Игрались все. Мы ведь точно так же у костра-то сживали, друг другу истории рассказывали. Вот я как-то про заимку начала, а кто-то вдруг в рассказ влез, давай еще что-то рассказывать. Может, правду говорил, может, врал, не знаю. Потом еще кто-то заговорил. В общем, стало нам всем интересно, и решили мы ее найти. Как-то поутру и отправились дорогу искать, да ничего не нашли. Ну, и не каждый день бегать-то получалось. Все-таки война, на поле через день да каждый день выводили, по деревне работы. Городские-то в деревне только что рассуждать да учить любят, а так-то болтаются как кила.

Бабка спохватилась, глянула на Воронова, перекрестила рот.

– Ну, еще как-то собрались, но снова ничего не нашли. В общем, оставили мы эту заимку, другие развлечения ведь есть. А один мальчонка из ленинградских все выпрашивал-выпрашивал про эту заимку. Над ним уж и посмеиваться стали. Мол, умом так тронешься. И вот как-то вечером, поздно уже, появляется он возле костра. Не помню уж, видела я его днем или нет, а вечером его поначалу точно не было. Я точно помню, потому как симпатию к нему имела, – едва улыбнулась Нателла. – Появился, значит, и рассказывает про эту самую заимку. И рассказывает так ладно, что все заслушались, когда он про дом рассказывал. Дескать, забор там такой же, как в любом нашем дворе, а изба совсем не такая, необычная, в общем! Мол, первый этаж из камня выложен и высоко поставлен. Метра два с лишком от земли, да и сам высоченный. А второй этаж уже деревянный, но не так, как у нас из бревен скатан, а дощатый. И внутри тоже деревом обшит, но уже, мол, с украшениями какими-то.

Воронов смотрел на Нателлу так внимательно, что она смутилась.

– Ну, чего смотришь! Я ведь только повторяю то, что он говорил. Мы, конечно, смеяться начали: мол, ври дальше. А он и дальше точно так же гладко, как по писаному, рассказывает, какие там комнаты, какие лестницы, даже посуда, говорит, стоит в шкафчике. Ну, закончил он рассказ, все дальше смеяться: мол, завтра води нас туда. Он говорит: а и пойдем очень даже просто. Только, говорит, дрын надо с собой взять каждому парню, потому что там, наверное, много собак, потому что он все время лай слышал. Ну, тут снова кто-то насмеяться начал, а мальчонка-то и говорит: вот завтра и проверим.

– И что назавтра увидели? – спросил Воронов, потому что Нателла вдруг замолчала.

– А ничего «завтра», – ответила она. – Пропал мальчонка тот. Только через пару недель нашли в камышах. Ногами в траве запутался, а в воде трава длинная, густая. Кто в нее попадет, считай, уже утопленник. Он, видать, с утра купаться побежал, да и...

Старушка перекрестилась.

– Ну, больше мы про это и не вспоминали.

Воронов подождал несколько секунд, а потом спросил:

– Всё?

Нателла кивнула.

– Так. Значит, насчет займки мы прояснили, – заключил Воронов. – Тема темная, запутанная, возможно, и вовсе пустая.

– Это в каком смысле? – подала голос Ирма.

– В том смысле, что этой вашей займки может и вовсе не быть.

– Ну... не знаю... – Ирма не скрывала растерянности. – Да разве это так важно?

– Важно? – переспросил Воронов, глядя на нее в упор. – Важно, что убит Овсянников. Важно, что он счел нужным предупредить тебя. Важно, что он – ты ведь помнишь – мгновение сомневался, а потом все-таки решил предупредить при мне, чтобы я слышал, чтобы я был в курсе дел.

Он закурил, наблюдая за Ирмой.

– Важно, моя милая, что вскоре после этого он был убит! И сейчас мы с тобой должны, просто обязаны понимать его предупреждение как слова об опасности смерти. Я очень хочу, чтобы ты это поняла, в конце концов, и рассказала все, что может иметь хоть какое-то отношение ко всей этой истории.

– Да что ты ко мне привязался! – со слезами в голосе вскрикнула Ирма. – Я не знаю больше ничего! Я тебе все рассказала.

– Ирма, внученька, – бабка говорила каким-то необычным голосом – трепетным и осторожным. – Ты не шуми. Он ведь правду говорит: ничего не ясно. А просто так не убивают ведь. Может, и Иван тоже думал, что ничего важного не знает, а люди решили, что скрывает. А?

Она повернулась к Воронову всем телом, словно надеясь, что он сейчас развеет ее сомнения и защитит внучку.

– Нет, – ответил Воронов, упервшись взглядом в стол. – Если бы они решили, что он скрывает, как вы сказали, Нателла Иосифовна, то они бы его не стали сразу убивать. Они бы его пытали. А они его убили быстро и просто, без затей.

То ли ответ Воронова, не оставлявший лазеек для простого решения, то ли осознание того, что где-то рядом ходит смерть, были тому причиной, но старуха села, и слезы потекли по ее щекам.

– Леша, как же так? – голос ее дрожал. – Что же такое творится-то?

– Не знаю, – ответил Воронов и повторил: – Не знаю.

Потом спросил:

– У вас есть где спрятаться так, чтобы отсидеться полчаса-минут сорок?

Нателла смотрела, не понимая, потом кивнула, и хотела ответить, но Воронов перебил:

– Нет, мне знать не надо. Вы сейчас обе туда идите и сидите тихо, как мышки. Через час выходите, если я раньше вас не позову.

Он оглянулся вокруг, увидел большой оцинкованный таз:

– Вот! В него буду лупить, как в колокол, когда вернусь, ясно?

Бабка после секундного колебания спросила:

– А если не вернешься?

Ирма испуганно вскрикнула:

– Что ты несешь!

А Воронов ответил спокойно:

– Ну, тогда сами по обстановке.

Выйдя со двора, он быстро зашагал к дому Овсянниковых. Ворота теперь были прикрыты, но неплотно. На мотоцикле, стоящем у ворот со стороны двора, сидел старлей и курил.

– Здорово, старлей, – поздоровался Воронов. – Начальство вызвал?

Полицейский поднялся:

– Вы кто такой и что тут делаете?

– Ты осмотр произвел? – не обращая внимания на его вопросы, спросил Воронов. – Обрати внимание на следы шин, метрах в тридцати по направлению к реке. Можешь их туда сориентировать, показать свой профессионализм. Скорее всего, обнаружат там горбатый «запорожец». Помнишь такие?

Старлей уже готов был пригрозить Воронову, совершенно и бесповоротно игнорировавшему его, полицейского, вопросы, но, услышав про «запорожец», спросил:

– Почему именно «запорожец»?

– По базе, протекторам, много по чему, старлей. Ты типа выскажи предположения, а там уж пусть они сами. Теперь...

– Мне вчера после обеда заявка поступила про угон горбатого «запорожца», – перебил старлей.

– Откуда? – сразу же насторожился Воронов.

– Да тут... – уклонился от ответа старлей.

– Ну, правильно, молодец, – похвалил Воронов. – Мне это знать и не надо. Теперь вот что: сориентируй, чтобы осмотрели вон ту часть двора, ближе к забору.

Воронов повел рукой, показывая место, которое предлагал осмотреть, и пояснил:

– Скорее оттуда стреляли, если по положению тел смотреть.

– А вы откуда знаете?

– Да тут ведь полдеревни уже побывало, пока ты приехал.

– Так мне ехать-то сорок кэмэ, – буркнул старлей.

– Да разве я критикую? Наоборот, хочу тебе помочь. Две наколки я тебе дал? Дал. И ты не бойся меня. Я, парень, пенсионер, а до этого в ментовке работал. Так что глаз наметан, – пояснил Воронов. – Теперь вот что: есть у меня еще соображения, но я тебе их завтра изложу. Проверить надо, чтобы людей не обидеть. А у меня к тебе просьба. Ты ведь тут допоздна задержишься?

– Да какое там «допоздна»! – с досадой буркнул старлей. – Вот, думаю, где ночевать?

– Ну, с этим я тебе тоже помогу. Тут бабка живет одинокая, так гостям рада. Да и, поди, страшно ей после такого будет, а?

– Дак я же не могу всех охранять, – вроде возразил, а вроде и объяснил старлей.

– Всех и не надо, – успокоил Воронов. – Да, тебе, собственно, какая разница? Ночевать-то все равно где-то надо.

И, будто заново обдумав что-то, сказал:

– Ты вот что! Я сейчас на пару минут отойду, а потом отведу тебя, дом покажу, чтобы тебе ночью-то не бродить, не искать. Начальство-то когда подъедет?

– Да вроде уже где-то рядом.

– А-а-а-а, ну, тогда пошли. Тут минутку и идти-то.

Чтобы дойти до угла, за которым уже был виден дом Нателлы, нужно было две с половиной минуты.

7

– Воронов, у меня сейчас ноги прямо до бедра сотрутся, – зло сообщила Ирма.
– Ну, значит, меньше будешь бегать, приключения на задницу искать. Посмотри, до чего ты нас довела, – с насмешкой парировал Воронов.

Ирма молчала не больше минуты и снова заговорила:

– Долго еще будет продолжаться этот «Тур де Франс» по тайге?

– Ну, сама посуди, – невозмутимо отвечал Воронов, – как может быть «де Франс» по тайге? Это же тайга, и это был бы «Тур де Тайга», понимаешь?

– Ты меня задолбал, Воронов. Ты вообще мне скажешь, куда мы едем на этих драндулетах?

– Тише говори! – потребовал Воронов и сразу же обиделся. – Не такие уж это и драндулеты. А не нравятся – искала бы сама!

– И нашла бы, если бы ты хоть предупредил! А то, как в школе, все тайком, крадучись. Ты где их спер-то? Ты вообще подумал о будущем?

– А что о нем думать? – удивился Воронов. – Мы в него как раз сейчас и едем. И еще раз прошу: говори тише.

– Воронов, не зли меня! Деревня есть деревня, но сопоставить наше с тобой отсутствие и пропажу двух великов они смогут. На это у них мозгов хватит, не сомневайся!

– Стой! – неожиданно скомандовал Воронов. – Ты можешь молчать?

– Остановись, покурим, – будто не слыша слов Воронова, потребовала Ирма.

– Нельзя тут курить! – резко бросил Воронов.

– Ты что, с ума сошел, что ли? Как это – нельзя?

Воронов положил руку ей на плечо:

– Ирма, запах табачного дыма тут за версту учуют и, если это будут люди на автомобиле, найдут нас так быстро, что мы и сигаретку затушить не успеем. Дошло?

По молчанию, воцарившемся вокруг, понял, что до Ирмы дошло.

После долгого молчания она спросила с надеждой в голосе:

– Ты специально меня пугаешь?

– Нет, Ирма. – Воронов старался говорить убедительно, чтобы не оставалось никаких иллюзий. – Тебе надо понять, что все, что произошло, это не шутка, не розыгрыш.

– Куда мы едем, Воронов? А как там баба Ната? – спохватилась женщина.

– Баба Ната? Во-первых, у нее сегодня ночует участковый, а, во-вторых, сегодня и завтра в Балясной будет так много ментов, что там, пожалуй, все в безопасности. Относительной, конечно. Поэтому, Ирма, нам с тобой надо вернуться в деревню завтра после обеда.

– Откуда вернуться? Вообще, куда ты меня потащил?

– Хороший вопрос: куда потащил. Но отвечать будешь ты, моя милая.

– Я? Я-то тут при чем?

– Помнишь, в вашем разговоре с Овсянниковым промелькнуло, что он переписывался с каким-то краеведом из города? Сейчас этот краевед – единственная наша ниточка к пониманию того, что происходит. Пойдем это – сможем понять, откуда, кто и кому угрожает, понимаешь?

– Ты все-таки думаешь, что все это как-то связано?

– Ты и сама в этом уверена, и уверена сильнее, чем кто-нибудь другой, – напористо заявил Воронов. – Повторяю вопрос: хоть что-то тебе известно об этом краеведе? Любую зацепочку, по которой мы можем хотя бы начать поиски!

– А чего его искать, если я знаю, где он живет, – просто сказала Ирма.

– Знаешь? Откуда?

– Так ведь мы тогда с Иванов Герасимовичем как раз и говорили, что я туда ездила, к этому краеведу. Ну не одна, конечно, с другими нашими ребятами, – пояснила женщина.

– Фу ты! – шумно выдохнул Воронов. – И живет он в Городе?

– Ну да.

– Вот, значит, в Город нам с тобой и надо. И успеть туда-обратно к завтрашнему, да, уже сегодняшнему вечеру.

– Ты с ума сошел? На велосипедах?

– Да нет. – Воронов достал мобилу, набрал номер. – Сережа, ты где? Ага, ну, мы сейчас будем, встречай.

Пройдя еще метров пятьдесят, они повернули, следуя все по той же проселочной дороге, и Ирма увидела едва видную в ночной тьме «Ниву», стоящую впрытик к лесу.

– Так, пришли, – Воронов остановился. – Давай о важном: ты Город хорошо знаешь? Ориентируешься свободно?

– Пожалуй. – Ирма задумалась. – Ты прямо спроси, чего хочешь?

– Не лсти себе, сейчас я от тебя, как от женщины, ничего не хочу, – коротко хохотнул Воронов. – Просто, возможно, что нас уже спохватились, поэтому нам надо меньше мотаться по городу, чтобы не попасться никому на глаза.

– А если Овсянников на самом деле видел Клевцова, а Клевцов этого краеведа уже нашел и ждет нас прямо там?

– Тоже вариант, – спокойно ответил Воронов. – Будем смотреть.

– А что там смотреть? – голос Ирмы напрягся. – Там нас убьют так же, как Овсянниковых, и всё! Ой, что это? Кто там?

Ее голос сорвался в выси небесные!

– Тише, Ирма, тише, девочка, – попытался успокоить ее Воронов, но Ирма уже кричала. Просто кричала на одной ноте.

Воронов схватил за руку и резко потянул к себе:

– Молчать! Говорю же, за нами уже могут идти.

– Кто? – обессилевшим голосом выдохнула Ирма и сразу же снова напряглась, уперлась руками в грудь обнимавшего Воронова и закричала.

– Смотри! Кто это!!!

Из темноты к ним приближался человек, судя по едва различимому силуэту, высокий, широкоплечий.

– Ирма, милая, это Сергей, мой товарищ! Он приехал, чтобы помочь нам. Мы сейчас поедem на его машине. Ну, не крутить же нам колеса полторы сотни километров, а?

Он говорил с ней то ли, как с ребенком, то ли с больной.

Подошедшему Сергею указал на велосипеды, прислоненные к дереву:

– Надо их спрятать, но так, чтобы на обратном пути можно было быстро найти.

До Города ехали часа два, не рискуя на ночной дороге, поэтому в город въехали часов в шесть, когда уже рассвело.

Сергея с машиной оставили возле придорожного кафе, где все вместе позавтракали и отправились в гости к тому самому краеведу, из-за которого, собственно говоря, и было предпринято все это ночное путешествие.

Ирма успокоилась, а скорее просто взяла себя в руки, поняв, что от ее внимательности сейчас зависит многое, и дом нашла быстро, хотя и удивилась, как тут все изменилось:

– Тут же окраина была, самая настоящая окраина! А сейчас – смотри, Леша!

Несколько дорог в четыре полосы сливались тут в развязку и тянулись дальше в окружении современных многоэтажек, и только небольшой островок был полным диссонансом в этой урбанизированной среде.

Вдоль одной из дорог вилась, повторяя все ее извивы, широкая лента зеленой травы, окружавшей уже довольно рослые деревья.

Чуть поодаль от этой ленты стояли семь домов, явно несовременных, отмеченных печатью долголетия.

Один из них и принадлежал тому самому краеведу. У входа на кирпичной стенке был укреплен домофон. На звонок ответил женский голос, спросил, кто нужен. Ирма ответила, что бывала тут прежде с поручением от Ивана Герасимовича Овсянникова, и женский голос попросил подождать.

Через пару минут дверь открылась, но не очень широко, и в проеме стоял среднего роста пожилой человек, с интересом смотревший на них:

– Чем могу служить, молодые люди? По какому делу я понадобился Ивану?

Ирма замешкалась, и в дело вступил Воронов:

– Мое имя – Алексей Воронов, а Иван Герасимович убит вчера. Вместе с женой своей. И приехали мы к вам потому, что, кроме вас, боюсь, никто нам не сможет помочь разобраться во всем этом. Вот такие обстоятельства.

И замолчал, продолжая смотреть на хозяина дома, сперва перекрывавшего им путь, а потом обратившегося к Воронову:

– Убийства должна расследовать полиция, не так ли? Вы, Алексей, – следователь?

– Нет...

Воронов хотел сказать что-то еще, но хозяин дома продолжил, глядя на Ирму:

– А вас я помню. Вы ведь как-то были у меня, и присылал вас Иван Герасимович.

Он еще мгновение стоял неподвижно, а потом заключил:

– Это, пожалуй, единственная верительная грамота в таких обстоятельствах.

После этого протянул руку Воронову, представился:

– Скорняков Михаил Иванович.

И, не дав им сказать ни слова, сделал шаг в сторону и указал на дом:

– Милости прошу!

В просторном холле дома их встретила женщина лет сорока, подойдя к которой Скорняков, приобняв ее, представил:

– Эмма, моя супруга и хранительница очага!

И со словами «Мы будем в кабинете, дорогая» прошел вперед.

Войдя в просторный кабинет, достал из шкафа бутылку водки и три стакана:

– Чисто символически. Помянем Ваню.

Выпили, не чокаясь, и хозяин жестом предложил:

– Выбирайте место по вкусу.

Увидев, как Ирма смотрит на кожаное кресло, стоящее в углу кабинета, предложил:

– Садитесь-садитесь! Выбор ваш! Кстати, я и сам люблю в нем сидеть, потому что поставлено в правильное место.

И, пока она шла к креслу, продолжил:

– Вот я все ваше имя вспоминаю. Нет! Вы не напоминайте, я свою память проверяю. Имя у вас не так, чтобы обычное, но и не совсем экзотическое. В те времена, когда вы были крохой, многие родители для своих дочерей – особенно, дочерей! – имена выбирали такие, знаете ли, с иностранным оттенком. Например, скажем, Эльвира или Изольда. Девочки потом, известное дело, мучились, другие имена себе для повседневности выдумывали, но это уже...

Он, будто в бессилии, махнул рукой и сразу же вытянул ее вперед:

– Ирма? Ирма!

Ирма кивнула.

– Ну, значит, еще не вполне склеротик, – кивнул хозяин дома. – А вы, простите, молодой человек?

– Воронов. Алексей Леонидович Воронов. Друг Ирмы, – приподнялся Воронов.

– Судя по ароматам, идущим от вас, вы оба курите, так что позволю себе предложить вам...

Скорняков взял со стола деревянную шкатулку, наполненную сигаретами, поднес гостям.

Пояснил:

– Сам набиваю из разных табаков. Люблю, знаете ли, натуральный табак, а не нынешнюю химию. Пробуйте.

После чего и сам сел, закурил.

– Ну, полагаю, церемонии завершены – к делу! Хотелось бы узнать, зачем я вам понадобился. Да и вообще обо всем, что там произошло.

Успокоившаяся в тиши кабинета Ирма не спеша, довольно подробно рассказала обо всем, что случилось, а Скорняков слушал, кивал и время от времени уточнял некоторые обстоятельства произошедшего.

Длилось это около часа, но по окончании Скорняков поднял плечи:

– Все равно не могу понять, я зачем вам понадобился.

Он смотрел на Ирму, но ответил Воронов:

– Вы должны понять и простить Ирму. Она, конечно, восприняла все, что случилось, близко к сердцу, до сих пор не может прийти в себя. Я это знаю точно, потому что мы всю ночь добирались сюда, и поведение Ирмы... Сами понимаете...

Скорняков кивнул и хотел что-то сказать, но Воронов продолжал:

– Конечно, она кое-что упустила, поэтому мне, как человеку постороннему, будет проще. Дело в том, что за несколько минут до смерти, точнее до убийства Ивана Герасимовича, мы его видели. Он спешил – как оказалось, навстречу своей смерти, – но подошел к нам и предупредил об опасности. Могу сказать, что в тот момент он *это* опасностью не считал.

– Почему вы так думаете? – живо перебил Скорняков.

– Если бы он думал об опасности, он рассказал бы нам больше. Это, во-первых. Во-вторых, он бы, не исключено, попросил помощи. Например, у меня, потому что я ему попался на пути. Во всяком случае, это было бы естественно. А он ни слова не сказал и ничем не показал свою тревогу.

– Да, пожалуй, – согласился Скорняков.

– Поскольку он ничего не сказал, мы с Ирмой подумали, что дело, которое обернулось смертью, было для Овсянникова довольно рядовым, привычным. Значит, с этим как-то связаны люди, ему известные.

Воронов смотрел на хозяина дома, и тот согласился:

– Да, вполне логичное соображение. А дальше? Я-то тут при чем?

– А дальше все просто: мы с ним разговаривали только один раз, если иметь в виду долгую беседу, и я услышал от него лишь две фамилии. Вашу – в том числе. Теперь понятно? – снова спросил Воронов Скорнякова.

– Да-да. Но логично и мое предположение, что вы сейчас назовете и второе имя, не так ли?

Воронов, пока говорил, настолько увлекся, что почти согнулся, сильно подав плечи вперед. Теперь же он с облегчением выпрямился:

– Именно так, если вы не против.

– Отнюдь. Отнюдь.

– Вы могли бы хоть что-то вспомнить, в связи с Иваном Герасимовичем, конечно, о человеке по имени Клевцов.

Повисло молчание, которое после долгой паузы прервал Скорняков:

– Во всяком случае, теперь я точно знаю, что вы – приезжие.

Он улыбнулся.

– Борис Борисович Клевцов – человек в нашем Городе весьма и весьма известный. Да что там Город, он – личность больших масштабов. Хотя должность его довольно невелика. Он проректор местного университета. А карьеру свою он начал как раз на археологических раскопках возле Балясной. Так что на ваш вопрос я ответил, друзья мои.

Он посмотрел на часы, но, вместо ожидаемой фразы «да, и мое время ограничено», он сказал:

– У нас в это время пьют чай, присоединитесь?

И, направившись к двери, пояснил:

– Предупрежу Эмму, чтобы к чаю сделала бутерброды. Судя по всему, вы не завтракали. Вскоре он вернулся и сказал:

– Ну, судя по тому, как вы осторожны в словах своих, вы тоже ищете «чертово городище».

8

– Странное свойство человеческой личности – верить в сказки, – улыбнулся Михаил Иванович Скорняков, возвращаясь в свое кресло после чаепития.

Между прочим, «чай» в данном случае подан был с учетом того, что Ирма и Воронов голодны, и они так набросились на еду, что разговор пришлось прервать. Казалось, сейчас они осовеют, но поданный кофе был так крепок, что мог бы поднять и больного.

В общем, все были вполне готовы продолжать разговор, а продолжил Скорняков.

– Мы ведь с Ваней на этом и сошлись, собственно говоря, совсем случайно. Лет двенадцать назад устроил местный университет такие, знаете ли, научно-практические чтения. Ну, вроде сухарика, брошенного ученым сообществом нашей любительской братии краеведов: дескать, допускаем до светлого лика своего.

– А вы ученое сообщество не весьма жалуете? – почти утвердительно сказал Воронов.

– Упрощаете, Алексей, упрощаете. У нас ведь с ними разные инструменты исследования, разные методики, – с улыбкой возразил Скорняков. – Как бы вам объяснить. Вы помните историю открытия Шлиманом Трои?

– Ну... в самых общих чертах, – признался Воронов.

– Так я вам в общих чертах и обрисую, – улыбнулся Скорняков. – Генрих Шлиман отыскал легендарную Трою, где греки сражались с троянцами из-за Елены Прекрасной. Он якобы тщательно изучил все тексты древнегреческих авторов и, собрав там все указания о местонахождении Трои, отыскал ее. Раскопки там были, предметы, в том числе и драгоценности, найдены, помещены в музеи. Казалось бы, торжество науки, ан нет!

Получается полный раскол. Для любителей ювелирных изделий да разного рода редкостей и древностей – невиданная радость и вообще победа над прошлым, которое пыталось скрываться в глубине веков!

А истинные ученые, настоящие археологи переживают! Переживают потому, что беспорядочные раскапывания – это не раскопки, которые обогатят науку! Сегодня, после этих изысканий Шлимана, говорят они, невозможно сколько-нибудь точно воссоздать хотя бы план Трои в том виде, в каком она была в те времена. Понимаете?

– Ну... в самом общем виде, – признался Воронов. – Но о Трое и Шлимане потом. Так что со знакомством?

Скорняков улыбнулся, будто прощая отсутствие научного любопытства у Воронова.

– Хорошо. Перехожу к сути. Решили на эту конференцию собрать всех, кто где-то когда-то рассказывал или писал о прошлом нашего города и области. Ну, а Клевцов в ту пору уже был каким-то важным человеком в университете и хотел выдвинуться еще дальше, еще выше. В том числе и за счет конференции этой. Почему я так говорю? Да потому, что мою встречу с ним устроила одна моя знакомая, которая постоянно мне заказчиков приводила. Времена такие, что посредники из всех щелей лезут, – усмехнулся Скорняков.

– Ой, вы меня извините, но раз уж сами начали... – вмешалась Ирма. – Неужели у вас еще есть заказчики?

– Да что вы, голубушка, – почти высокомерно вскинул брови Скорняков. – Заказов сейчас столько, сколько раньше и не бывало. Богатых людей в стране все больше и больше. Это я точно знаю.

– Так ведь и везут отовсюду, – почти растерянно и с недоверием сказала Ирма. – И шубы, и дубленки.

– Женщина всегда остается женщиной, для нее внешнее важнее, и за это мы вас любим. Скорняков улыбнулся:

– Вот, представим себе такую очаровательную женщину, как вы, Ирма, живущую, например, в Париже или в Мадриде. Достаточно вам, то есть ей, набросить на свое тело два лоскутка ткани и шубку, и она уже может идти куда угодно. Потому что для нее шубка – это статус, показатель возможностей и реальностей. Шубка ее если и греет, то лишь в переносном смысле, и она может ее скинуть в любой момент и в любом месте. А теперь представьте точно такую же женщину, например, в нашем городе или еще дальше на север. Да она и в норке-то там мигом застынет. Так что все эти Греции и Италии тут хороши, если она может скакать из дома в свой внедорожник и обратно. А если у нее есть необходимость по улице ходить, хоть недолго – закончeneет! Поэтому и шьют шубы из соболя, лисы. Мужчины, те предпочитают волчью шкуру. Дескать, мужественно. Ну, и потом, имейте в виду, что если шьют не по индивидуальному заказу, то это всегда заметно. Особенно у нас, где многие женщины, извините, меры в еде не знают и продолжают расти не ввысь, а вширь. А я всегда стараюсь любую особенность или подчеркнуть или скрыть. В общем, если по сути вашего вопроса, милая Ирма, то идет ко мне заказчица, идет. А в сутках 24 часа, и времени мне не хватает на всех. Вот и стараются, так сказать, протезировать своих подруг. Кому-то удастся, кому-то отказываю. Время, знаете ли, не продается.

В общем, познакомила нас эта дама, хотя мне от Клевцова ничего не надо было, да и у него заказа не было. Кроме одного. Дело в том, что я в ту пору только начал рассказывать о своих исследованиях, дал несколько интервью газетам, по телевидению выступал, в общем, был известен, если без лишней скромности. Вот он и предложил участвовать в этой конференции. Дескать, дадим новый импульс народному творчеству.

Я согласился. И интересно, и с другими повидаться хотелось, познакомиться.

Прислали мне приглашение, прихожу в указанное время и сразу же натыкаюсь на скандал: не пускают на конференцию какого-то мужчину моих лет, по виду – сельская интеллигенция старой закваски. Это и был Ваня. И не пускают его весьма непреклонно и настолько бесцеремонно, что мне стало неприятно. А надо сказать, что в те годы я, в самом деле, довольно часто появлялся на телеэкранах, а во время подготовки этой конференции появлялся в университете несколько раз и все в компании Клевцова. Видимо, тамошний «планктон» решил, что я с ним «вась-вась», и, когда я Ивана подхватил под локоток и повел в конференц-зал, никто не пикнул.

После заседания перерыв – новый скандал. Не дают Ивану места для поселения. Нет, мол, мест, надо было раньше. Он стоит весь напряженный. Снова беру его под локоть, говорю: поехали ко мне, пообедаем, подумаем.

В общем, предложил ему тут остановиться. Места, сами видите, достаточно. Вечером засиделись мы с Иваном за разговорами, тогда он мне и рассказал, что Клевцов когда-то начал у него на раскопках, а потом пути их резко разошлись.

– А почему разошлись? – снова вклинилась Ирма.

– Иван эту тему развивать не стал, а мне как-то неудобно было спрашивать. В общем, причин этого я так и не понял, – развел руками Скорняков.

Помолчал немного и махнул рукой:

– Вообще-то мне это и не важно было. Просто не понравилось, что даже в таком деле кого-то стараются отогнать подальше. Вот и захотел помочь. Может, так бы все и закончилось, но, получилось так, как получилось.

На следующий день началась конференция. И снова – скандал. Сперва объявили, что всем после выступления тексты надо сдать, а потом университет их издаст отдельной книгой. И в ближайшее время, то есть прямо летом. Это я уже потом узнал, что на сентябрь были назначены выборы ректора, и Борис Борисович рвался на этот пост, а в таком деле, как говорится, любое лыко в строку.

Я вам все это так подробно излагаю для того, чтобы вы картину постарались увидеть и шире, и глубже.

Утром Иван вдруг объявляет, что текст у него от руки написан, потому, мол, и сдавать он его не будет. Да и вообще, говорит, не доклад это, а так – тезисы, наброски.

Ну, я сажусь к компьютеру и говорю Ивану: вы по кабинету прогуливайтесь и мысли свои излагайте. Он еще посмеялся, но стал рассказывать, да так разошелся, что я заслушался! Рассказчик-то он отменный!

В общем, самое важное из того, что он сказал, я зафиксировал, а времени уже в обрез, и я во время завтрака жене говорю – а она с нами тут же была: ты обработай, отредактируй страницы на три-четыре, распечатай и принеси в университет. А сами – бегом на конференцию.

В общем, работает наша секция – докладывает Иван. Докладывает блестяще, потом много вопросов со всех сторон. Видно, что задел за живое своих коллег – учителей и краеведов. Потом приходит моя пора выступать – то же самое. Вопросов много и все такие, знаете ли, живые! И, главное, получается, что по нашим интересам мы смотрим, что называется, в одну сторону!

Начинается обсуждение, наши с Иваном выступления – в центре внимания! Снова множество вопросов, все просят рассказать больше. В общем – успех!

После перерыва приходит дама из руководства и объявляет: народу у нас мало, так что примем только то, что уже отпечатано. А иначе, говорит, неизвестно до каких пор дело затянется!

И я понимаю, что это придумано только что, и придумано после того, как увидели, что Иван с бумажки читает рукописный текст. А жена уже все привезла, и я протягиваю этой даме оба наши отпечатанные доклада.

Она аж позеленела, но доклады все собрала, сложила их все вместе, на руке, знаете ли, так взвесила, и говорит: ой, товарищи, боюсь, что сейчас все доклады выпустить не удастся, потому что слишком большой объем получается.

Потом будто поразмыслила и снова улыбается: вы не огорчайтесь, тексты сдавайте, а потом мы сами проведем отбор. Понимаю, что Иван тут не пройдет, да и остальные вряд ли, кроме меня, потому что я Клевцову нужен, поднимаюсь и говорю:

– Время, в котором мы живем, товарищи краеведы, сложное, сами знаете. И заботы университета именно с этим связаны, и надо их не просто понять, а еще и помочь. Сегодня мы поможем университету, завтра – университет нам.

– Подхожу я к этой даме, – широко улыбнулся Скорняков, – и тяну к себе всю эту пачку наших докладов. Она вроде как старается мне не отдать, а на нас с ней ведь все уже смотрят. Тогда я и говорю, что я из своих личных средств оплачу издание нашего сборника и заботы с университета сниму.

В зале – фурор!

Вот так у нас и сложились отношения. Мы с Иваном сотрудничали очень тесно, материалами обменивались.

Скорняков замолчал, и после небольшой паузы Воронов решил, что пришло время спрашивать.

– Михаил Иванович, вы меня извините, но мы не хотим отнимать у вас время попусту, так что хотелось бы ближе к сути. Если я вас правильно понял, то близкими друзьями, такими, знаете ли, закадычными, чтобы ни дня друг без друга, вы с Иваном Герасимовичем не были. Симпатизировали другу скорее, по научным своим интересам и общались больше по ним же, а это – дело тонкое, для знатоков. Может быть, конечно, мы совершенно зря вас беспокоим и, как сейчас молодежь говорит, напрягаем, но нам важна любая мелочь, которая помогла бы понять причины, по которым его убили.

Воронов говорил медленно, подбирая слова.

– Может быть, действительно, это как-то связано с его или вашими общими научными интересами? Но вы могли бы хоть как-то предположить. И вас об этом расспрашивать нам сложно, потому что научных интересов ваших не знаем.

– Я и сам уже голову сломал – что тут могло быть причиной? – сокрушенно развел руками Скорняков. – Велик соблазн так и сказать вам: дескать, ничем не могу помочь, но смерть Вани на меня какие-то обязанности наложила. Какие – не знаю, но...

Он поднялся, подошел к столу, закурил.

– Вот вы говорите – научные интересы. А они у нас были разные. Даже не знаю, как парой фраз изложить мои мысли.

– А вы не парой фраз, – предложил Воронов. – Как говорится, курочка по зернышку...

– Да, видимо, так и придется, – согласился Скорняков. – Но тут получится не совсем скромно.

– Мы вас правильно поймем, – улыбнулся Воронов.

Улыбка у него была широкая. Располагающая и ободряющая, и Скорняков решился:

– Знаете, я ведь завидовал Ивану, – признался он легко и, пожалуй, весело. – Прошло не больше месяца после нашего с ним знакомства, о котором я вам уже рассказывал, а я поймал себя на мысли, что иногда невольно его копирую. Причем копирую в важном, я бы сказал, в существенном – в мышлении. Стоило Ивану найти несколько фактов, у него в голове уже возникала система, в которую он укладывал эти факты. И система эта была подобна системе Менделеева в своем устройстве. То есть каждая совокупность данных была систематизирована, и совокупность, оказавшаяся выше другой, была сложнее, но полностью подчинена точно тем же условиям и требованиям.

Скорняков поднялся:

– Кофе хотите?

Воронов представил, как сейчас надо будет идти в столовую, где будет накрыт стол, где жена Скорнякова непременно заведет некую светскую беседу, от которой невозможно будет уклониться, и уже отрицательно мотнул головой, но увидел, как хозяин дома открывает небольшой секретер и на откинутую крышку его выставляет небольшой чайник, а в руки берет столь же небольшую ручную кофемолку.

– Во-первых, иногда лучше не выходить отсюда, потому что мысль сбивается, пояснил он. – А, во-вторых, супруга почему-то считает, что кофе вреден для сердца!

Потом продолжил уже в совершенно другой интонации:

– Иван вообще – явление сам по себе, уж поверьте. Он ведь дитя семейное, взращен любящими родителями. Излишествами он вряд ли был избалован, я имею в виду излишества материальные, зато уж любовью был пропитан насквозь! И никаких бытовых забот и неудобств, скорее всего, и не знал, пока студентом был. И это, доложу я вам, бросалось в глаза и вызывало зависть, потому что для него всегда на первом, втором и третьем местах в иерархии ценностей было дело, а не быт.

– Так вот. Долгое время мои интересы, так сказать, сфера приложения моих сил, казались мне гораздо шире и важнее, чем у Вани. Дело в том, что я изучаю проблему сибирского сепаратизма в историческом, так сказать, аспекте. Собираю материалы на эту тему. Проблема без малого триста лет, между прочим, так что, сами понимаете, и материалов много, и споров они вызывают огромное количество. А Иван, считал я, занимается мелочами. Ну, что там какая-то Балясная! Мелочь! Конечно, так вот открыто, как сейчас, я этого не говорил, но Иван мои скрытые мысли понимал. Более того, он меня убеждал, что наши интересы во многом созвучны и дадут какой-то результат. Именно – в сочетании, в совокупности, так сказать.

– Но сепаратизм – проблема скорее теоретическая, что ли, – выразил сомнение Воронов. – И потом, она ближе каким-то пограничным территориям, а Сибирь находится как раз в середине, насколько я помню географию.

– Ну, строго говоря, сепаратизм – проблема политическая, а не географическая, но сейчас это не важно, – примирительно сказал Скорняков и замолчал.

– Никак не могу найти ту линию, которая вела бы к пониманию всего, что произошло, – признался он после паузы.

– Хорошо, – решительно произнес Воронов. – Вот вы сказали, что «смотрели в одну сторону». В какую? Какие проблемы вас объединяли с Овсянниковым? Я имею в виду не глобальные вопросы, а конкретику. О чем он спрашивал вас? О чем вы его? Вы ведь много лет общались.

– «Конкретика», – почти насмешливо повторил Скорняков, и сразу же поправился. – Нет, я вас понимаю, конечно. Вам ведь хочется узнать что-то такое, что поможет понять причины произошедшего... Кстати, а что полиция? Там хоть что-то делают?

– Делают, – ответил Воронов таким тоном, что стало ясно: лучше бы и не делали.

И Скорняков понимающе кивнул.

– Что же мне вам ответить? Понимаете... Сибирь наша – это ведь до сих пор край неведомый, загадочный. Где, например, можно провести границы «Сибири», если ее выделять, так сказать, политически? И складывалась она не сразу, а постепенно, прирастая все новыми и новыми землями, а там живут разные люди, разные народы, этносы. У них свои верования, свои представления о мире. И просторы сибирские позволяли когда-то этим людям существовать независимо друг от друга. Это вам не Европа, где от одной границы до другой можно на велосипеде проехать! А Иван больше занимался историей Балясной, ну и этим «чертовым городищем». Реально-то, как сейчас любят говорить, нас это самое городище и связывало. Но связывало довольно своеобразно. Я над его поисками посмеивался, но не за спиной, а в глаза, а сам интерес к истории сибирской деревни, к заселению Сибири поощрял, насколько возможно. Мы ведь никогда не выясняли, кто кому чаще задает вопросы. Это было интересно нам обоим, потому что все это был один процесс – открывание знания. И если, например, я задавал вопрос, а Иван давал ответ на него, он потом не интересовался: «А для чего это тебе было нужно?», ибо понимал, что для меня, возможно, это был какой-то промежуточный пункт в рассуждениях.

– Я понял вас, Михаил Иванович. Получается, что вы нам никакой нити не дадите.

Скорняков посмотрел на него, как мама смотрит на расшалившегося малыша:

– Куда вы спешите? Ответов на вопросы, связанные с убийством Ивана, у меня нет, но и отказаться от поисков я не могу. Давайте попробуем разбираться вместе. Вы, Алексей, слушайте и задавайте вопросы. У вас очень удачно получается заострять проблему, а это – дар! Ну и Ирма, конечно, тоже, потому что вы ведь, милая девочка, все происходившее знаете, так сказать, с другой стороны.

– Хорошо, – согласился Воронов. – Начнем!

– Вот вы говорите, откуда тут сепаратизм? А он в сибирскую идею заложен, можно сказать, с самого начала. Вот принято считать, что Сибирь для Русского государства завоевал Ермак Тимофеевич. И легенда-то весьма удобная, прижилась, будто тут и была. Ведь до смешного доходило: Ермак, если верить легенде, погиб где-то в наших краях, то есть на западе Сибири. А имя его переносят на далекий сибирский восток. В городе Ангарске – а это Иркутская область – была хоккейная команда «Ермак». Какое он отношение имеет к тем местам? Что это – наивный патриотизм коммунистов или тонкий расчет других сил? И не считайте это глупыми придирками.

Итак, Ермак. Принято считать, что его наняли пермские купцы Строгановы. Обязанности они распределили так: Ермак набирает ватагу, а Строгановы обеспечивают экспедицию всем необходимым. И снова вопросы! Земли эти – и нынешний Пермский край, и та Сибирь, что сразу за Уралом, – считались «окраиной господина Великого Новгорода».

– Простите... – начал было Воронов, но Скорняков и слушать не стал – продолжил:

– Именно так, уважаемый Алексей Леонидович! Вы наверняка еще со школы помните про «Новгородскую феодальную республику» с ее особой формой самоуправления – вечем. Так вот, сообщаю вам, что вече частично формировалось за счет тогдашней «номенклатуры», то есть местного чиновничества. Были в их числе и те, кого называли «кончанскими», а «концами» в Новгороде именовали, ну, как бы проще объяснить... городские окраины, понимаете? То есть кончанские – это районные старосты. И одним таких концов как раз и была эта самая территория нынешнего Пермского края и того, что именуют Югрой. И основное богатство этих мест – рухлядь. То есть пушнина.

Он взял сигарету, закурил:

– Надеюсь, вы понимаете, что такой товар в тогдашней Европе был весьма ликвидным, как сейчас говорят. На нем можно было строить и экономику, и какое-никакое государство. Республика эта была завоевана еще сто лет назад Иваном Третьим, но интерес к территории сохранялся. В общем, нельзя исключать, что вся эта затея была кем-то спровоцирована в пользу немосковских сил. Так что имейте в виду, что населения, которое лобызало бы ноги Ивану Четвертому за спасение от супостатов-захватчиков, тут не было. Население вообще было довольно рассеянным по просторам, а просторы надо осваивать и контролировать.

Вот как раз с контролем и связана первая история про сибирский сепаратизм.

– Что, прямо при Иване Грозном? – спросила неожиданно Ирма, до сих пор молчавшая.

– Да нет, не при нем, а при первом нашем «великом государе», – ответил Скорняков. – При Петре Первом.

В это время раздался стук в дверь, а потом она распахнулась. На пороге стояла жена Скорнякова.

– Дамы и господа, на этом мои речи закончены – нас ждут к столу, – улыбнулся он, поднимаясь из кресла.

9

После обеда, пока все еще сидели за столом, Скорняков сказал:

– Как вы посмотрите, наши дорогие гости на то, чтобы сегодня тут и переночевать? Нам еще многое надо обсудить, а силы ваши, я вижу, на исходе. Может быть, сейчас приляжете отдохнуть на пару часов, а потом продолжим? И уж тогда временем нас никто не ограничит.

Ирма уже готова была обрадованно кивнуть, но Воронов с сожалением развел руками:

– Рады бы, но сейчас нам надо возвращаться. Все-таки там осталась бабушка Ирмы, человек пожилой, а обстановка там... понимаете. Надо и с полицией как-то поговорить, узнать, что и как. Их не торопить, так, сами понимаете. В общем, спасибо, но...

Скорняков поднялся:

– Ну, что же, доводы серьезные, однако, в таком случае, может быть, Ирма немного все-таки отдохнет, а мы с вами продолжим? Мне со временем стали приходить в голову интересные соображения.

Ирма обрадованно вскинулась, а Воронов посмотрел на часы:

– Ты хочешь ночью ехать?

Сперва на лице у женщины отразился ужас, потом она умоляюще сложила руки:

– Всего часик! И в четыре выезжаем, а?

– Ну, смотри, – с притворной угрозой ответил Воронов и повернулся к Скорнякову. – Тогда и мы займемся делом?

В кабинете, пока шли к креслам, Воронов спросил:

– Вы, значит, считаете, что Сибирь могли превратить в отдельное государство?

– Более того, это пытались сделать, – кивнул Скорняков. – Что есть государство? Система, сочетающая в себе максимально возможное число элементов, обеспечивающих жизнь людей, являющихся его гражданами. И Сибирь с ее просторами и природными ресурсами вполне может стать «площадкой заселения».

– Ну, это в принципе, – условно согласился Воронов.

Ему необходимо было вытащить из Скорнякова хоть что-то полезное для поисков.

А тот продолжал:

– Так вот, вернемся к временам Петра Великого. Он, как известно, совершил множество реформ, в том числе и реформу управления, в том числе и создал Сибирское губернаторство. Во главе его был поставлен человек, Петру хорошо известный, человек, трудами своими заслуживший любовь государя и уверенность в его полной преданности, князь Гагарин. Матвей Гагарин.

Скорняков подошел к полке, взял довольно толстую папку.

– Вот тут у меня кое-что о Гагариных. Надо сказать, что представители этого семейства к тому времени уже занимали должности воевод, то есть прежних управленцев, выражаясь современным языком, управленцев дореформенных. Ну а Матвей всех их как бы объединил. Во всяком случае, такова легенда, а, точнее говоря, версия. Версия, потому что формально Гагарин был казнен за воровство! Однако ходили упорные слухи, будто у Гагариных существовал план отделения Сибири от России и провозглашения Сибирского царства. Отсюда будто бы и казнь, и довольно зверские последствия: Гагарина не снимали с виселицы несколько месяцев.

– В назидание другим?

– Возможно, но есть некоторые странности. Следствие по делу началось еще в четырнадцатом году, а приговор ему вынесен в двадцать первом.

– Ну и что? Даже сегодня следствие порой затягивается на годы, а уж тогда-то. В ту пору свидетеля для допроса из того же Томска, например, самолетом не доставишь.

Воронов усмехнулся, но видно было, что рассказ Скорнякова все сильнее интересует его.

– Можно, конечно, и так сказать, – почти примиряюще кивнул Скорняков. – Но вы уж позвольте мне продолжить. Важно обратить внимание на еще одно обстоятельство, еще одно событие, произошедшее в то же время, – дело царевича Алексея.

– Он-то тут при чем? – искренне удивился Воронов.

– Тут «при чем» почти вся система управления Россией того времени. Дело в том, что воцарением Романовых в 1613 году были возмущены многие родовитые семьи. Сам порядок выдвижения, система созыва Земского собора вызывали сомнения и протесты. Первый Романов – Михаил просидел более-менее мирно, а при Алексее Михайловиче уже открытые столкновения. Два рода становятся во главе враждующих партий, по родам жен: сперва – Милославские, потом – Нарышкины! А если есть вожди, то есть и дружина! В общем, начались серьезные драки между партиями, а в числе прочих обвинений то и дело летали слухи о незаконном воцарении.

Ну, а потом Петр Алексеевич. Мы-то больше о его величии говорим, о том, как он Россию укреплял, и упускаем другую сторону процесса. Ту, которую сейчас назвали бы управленческой. Ведь до него долгие века Русь управлялась царем при опоре на бояр, так сказать, на соль земли Русской!

Боярские-то роды землями владели от века! По наследству передавались и богатство, и родовитость! А на землях-то крестьяне жили и иной народец. Хороши бояре или плохи, а за ними – население. Люди за ними! Да – крестьяне, да – забитые, безграмотные. Но других-то не было!

И уж простите меня за высокий, так сказать, штиль, но именно из этих крестьян составлялись дружины и полки, которые побеждали и Золотую Орду, и тевтонских рыцарей, да и много кого еще! Это я к тому, что для решения важных задач всегда был ресурс, который умело использовало то самое боярство!

А что же стало с Боярской думой при Петре? Куда она делась? Никуда!

Скорняков поглядел на Воронова и повторил по слогам:

– Ни-ку-да! Петр перенес свое местопребывание на берега Невы. Бояре не захотели ехать на болота и оказались «вдалеке» и в самом примитивном смысле слова, в географическом, и в самом главном, в политическом. Государь-то стал совет держать с другими людьми, причем часть из них все-таки происходила из древних родов, а часть – из совершенно ничтожных, можно сказать, безродные люди были. И в этом было своеобразие всей системы власти, сложившейся при Петре, и это тоже надо понять.

У Петра тоже было два брака, как у его папеньки, при этом один брак означает единение с российской знатью. И пусть знать эта осталась в Москве, но традиции на Руси имеют большое значение, и с ними надо считаться, а считаться с традициями и ее носителями – боярами – Петр хочет все меньше и меньше, и он идет на второй брак – с безродной иностранкой. Можно, конечно, объяснить этот шаг сладострастием Петра и какой-то невероятной женской притягательностью Марты Скавронской, но сути дела это не меняет. Появление императрицы Екатерины, которую не признает никто, кроме ближайшего окружения Петра, – это начало уничтожения традиций.

Император, а может быть, кто-то из окружения, ведет тончайшую интригу, чтобы устранить саму возможность возвращения власти к старому российскому дворянству, к боярам. Интригу, жертвой которой становится сын Петра – Алексей.

– Ну а при чем тут Сибирь? – не выдержал, наконец, Воронов.

Скорняков посмотрел на него, будто оценивая.

Помолчал.

– Сибирь – это вполне возможное перенесение процесса, начатого Петром, на другие пространства и в другие условия!

– Все равно не понимаю, – пожал плечами Воронов.

– Это потому, что вы слушаете мой рассказ, будто историческую сказку, – сказал Скорняков. – А вы отнеситесь к нему как к политическому эпизоду. Я ведь вам объяснил, что сибирские земли, в отличие, скажем, от княжеств европейской Руси, не ощущали такого сильного влияния Москвы ни в экономическом, ни в политическом отношении. Сибирь, несмотря на то что многие территории этого края были изучены российскими подданными, не прониклась духом привязанности к Москве, в то время как сама Москва ни на миг не сомневалась в своем праве управлять регионом на правах собственника. Поэтому, возможно, и сложилась примерно та же ситуация, что с самой Москвой конца шестнадцатого века, когда после смерти Ивана Грозного и сына его Федора пресеклась правящая династия.

Скорняков улыбнулся.

– Между прочим, та самая Смута, в которой наши историки по традиции уже многие века винят поляков, была вполне обычным делом, когда представитель известной монархической династии предлагает себя на престол, освободившийся после вымирания прежней правящей династии. Этому в истории много примеров, но почему-то именно притязания на русский трон вызывают так много обид.

– Смута-то тут при чем? – снова удивился Воронов.

– Смута? Смута ни при чем, – согласился Скорняков. – Смута – пример. Собранные мной документы, описывающие некоторые обстоятельства, позволяют предполагать, что Гагарины готовили провозглашение Сибирского царства во главе с Алексеем Петровичем. Алексей Петрович – Романов, и Романов законный! Он зачат и рожден в браке, который признан всем тогдашним цивилизованным миром! Следовательно, если в какой-то форме он станет государем, то это вполне можно было бы представить миру чем-то вроде формального пожалования, подобного, например, французскому, где провинция Дофине вручается наследнику престола. При этом, с одной стороны, Алексеем можно было бы управлять, а с другой – всегда можно было бы выдвигать его претендентом на российский престол.

Скорняков помолчал.

– Представьте себе, что сибирский государь Алексей Первый в январе тысяча семьсот двадцать пятого года, после смерти батюшки своего, императора всероссийского Петра, занимает его место! Кто и на каких основаниях возражал бы ему?

Он еще немного помолчал и сказал будто между прочим:

– Ему, а возможно, и кому-то другому. До конца ведь неясно, для кого Гагарин готовил сибирский трон.

– История интересная, но какое отношение она имеет к нашим временам? – спросил Воронов.

Скорняков ответил после небольшой паузы:

– Скажем так: я сейчас не могу найти точного ответа на ваши вопросы, я не знаю, в какой стороне следует искать эти ответы. Просто я хочу, чтобы мы с вами вместе проследили, так сказать, пути наших с Иваном совместных исследований, чтобы найти те нити, которые, возможно, помогут раскрыть тайну его убийства.

– Ну что же, – кивнул Воронов. – Давайте попробуем сделать так.

– Есть что-то еще?

– Как вам сказать? Я же сказал, что понемногу начинают приходить в голову некие вопросы и соображения. Вот вас интересовало, какие у нас были научные, ну, или скорее краеведческие интересы, которые нас сближали. Мне вот стали приходить на ум некоторые общие рассуждения.

Отмечу, например, что Сибирь до революции была местом довольно своеобразным. Между прочим, тут не было помещичьего землевладения, поэтому идеи большевиков о захвате помещичьих земель мало кого интересовали. Земли-то навалом, бери – не хочу! То есть вроде как вольница. А с другой стороны, тут вам и ссылка, и каторга. И получается соседство и вза-

имовлияние довольно своеобразных элементов. Каторжане-то в массе своей не очень спешили к себе на родину, ибо добрую память о них хранить там было некому. Вот и оставались тут.

Но это снова, как вы говорите, теория. Перейдем к практике, вернемся назад. В 1825 году восстали декабристы, но никаких побед не снискали. В значительной степени неудача эта была обусловлена тем, что они и сами не знали, за что, собственно, борются. То ли республика, то ли конституционная монархия. А выступать единым фронтом, когда нет единой идеи, невозможно. В общем, восстание подавлено, следствие проведено, многих декабристов ссылают в Сибирь, некоторых и на каторгу. Аристократия хорошо себя чувствует в холе и неге, а если вокруг неудобства, она сразу начинает хныкать, но постепенно как бы оборачиваться в кокон обстоятельств. Так и живут, так и жили бы. Но тут вспыхивает восстание 1830 года в Царстве Польском. Восстание отважное, но скорее пафосное. Некоторые историки утверждают, что во главе восстания находилось национальное масонское общество, объединившее наиболее ярких патриотов. Иначе говоря, заговор узкой группы, как и в случае декабристов. Так или иначе, но и польское восстание было подавлено, и многие его участники оказались тут же, в Сибири.

Скорняков помолчал.

– И снова я должен сказать вам, Алексей, что свою картину складываю на основании долгих размышлений, сопоставлений, но лишь немногочисленных фактов, которые удалось извлечь из разного рода писем, протоколов, объяснений.

– То есть доказательная база у вас рыхловатая, – констатировал Воронов.

Слова Скорнякова не давали ответа, но из них вытекала какая-то проблема, которая привлекала своей сложностью и непонятностью. Что-то в этом было, и Воронов не хотел отказываться от этого предположения сейчас, когда никаких других путей не было. Но и принимать все на веру он не хотел.

– Вот вы сказали, что Сибирь пытались сделать отдельным государством, но ни одного реального факта не назвали, – начал он пояснять свою мысль. – Если пытались, то должны были остаться какие-то воззвания, обращения, прокламации, что ли. Ну, хорошо, не воззвания, но хотя бы какое-то серьезное свидетельство, которое можно считать доказательством. А у вас пока получается схема сугубо словесная, предполагаемая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.